

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

КАПИТАН ВАЛАР.
ПРИЗОВАЯ ОХОТА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Капитан Валар. Призовая охота

«Автор»

2011

Самаров С. В.

Капитан Валар. Призовая охота / С. В. Самаров — «Автор»,
2011 — (Спецназ ГРУ)

Славно повоевал на Северном Кавказе капитан спецназа ГРУ Александр Смертин. За время боевых действий он прослыл настоящим героем, решительным и бесстрашным бойцом. И прозвище у него появилось соответствующее – Саня Смерть. А враги прозвали его Валар, что по-вайнахски значит то же самое... После тяжелого ранения Александр уехал в деревню к матери. В это время чеченские боевики объявили охоту на всех офицеров ГРУ, воевавших на Кавказе. За голову Валара они назначили премию в пятьдесят тысяч долларов. И вот в Россию едет группа боевиков, среди которых – высококласный снайпер. Но разве можно убить бойца, имя которому – Смерть?..

Содержание

Пролог	5
Глава первая	18
Глава вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Самаров

Капитан Валар. Призовая охота

Пролог

Ментов было четверо. Они почти бежали в нашу сторону. Я сделал пять шагов навстречу. Первый шагнул ко мне, лихо, как заправский военный, козырнул и представился:

– Уполномоченный районного отдела полиции Дзагоев.

При этом он дышал таким тяжелым застарелым перегаром, изрядно сдобренным свежим «амбре», что у меня, человека пьющего крайне редко, по мозгам словно бы прошел электрический разряд. Неприятное, надо сказать, ощущение.

– Разрешите обратиться?

Полицейский офицер, оказывается, знал даже уставную форму обращения. Может быть, даже в армии служил. Не все же откупаются.

– Спецназ ГРУ, – в ответ представился я, не называя, однако, себя. – Какие проблемы?

Он доложил, что его группа за пределами поселка наткнулась на сравнительно крупный отряд боевиков. Почти час менты наблюдали за бандитами, пока не пришли к выводу, что пора что-то предпринимать конкретное. И они явились ко мне, только час назад прибывшему в поселок.

Доклад мента был интересен, но не совсем понятен. Мне, по крайней мере, он показался довольно странным. Бандиты в таком количестве в последнее время собирались редко, это я хорошо знал, потому что за все последние командировки на Северный Кавказ, что выпали на долю моей роты, самое большее, с чем приходилось сталкиваться, это банды в шесть-восемь человек. А тут почти два десятка... Я, конечно, был далек от мысли, что они собрались на свадьбу. Но другое предположение хоть и появилось, но не сразу. Не иначе бандиты намеревались организовать налет на какой-то более-менее серьезный объект. Может быть, даже демонстративно захватить близлежащее селение. Подобное уже случалось. Такие захваты, конечно, не удавались, но шума было много. Правда, это были, как правило, не настоящие бандиты-боевики. Профессионалов среди них – раз-два и обчелся. Остальные – просто молодые бездельники, кричавшие на каждом шагу, что на Кавказе работы нет, и потому они считают себя обиженными властями.

Болтовня это, и больше ничего. Кто хочет работу найти, тот находит. А эти жаждут много зарабатывать – причем чаще всего не своими руками, – раскатывать на дорогих машинах и чувствовать себя «хозяевами жизни». Политическая обстановка на Северном Кавказе их только подталкивает к этому. Чувствуют, что местные власти им потакают. А настоящие бандиты берут их под свое крылышко. По большому счету никакие это не заблудшие души, а точно такие же по сути и по духу бандиты, только не обладающие боевым опытом. Потом, когда мы им накостыляем, начинают стенать, что они обездолены. А кто сказал, что я должен устраивать их жизнь? Пусть строят ее сами, и желательно рядом с собственным родительским домом, а не рядом с домом моих родителей. Но в своей берлоге им налететь не позволяют, и они лезут в срединную Россию.

Вот такую банду из двух десятков человек и встретили в лесу полицейские. Видимо, боевики только еще собирались на кого-то напасть и, может быть, ждали подкрепления. Но выступить могли в любую минуту и, естественно, пойти в любую сторону, потому что собирались на опушке леса неподалеку от перекрестка дорог. А поблизости, как назло, никого не оказалось, кроме моей группы из четырех человек. Еще шестеро должны были подойти на следующий день.

– Товарищ капитан, – старший из полицейских приступил к неизбежным, как ему казалось, уговорам. – Если их не остановить, они могут сейчас по долине двинуть. А там несколько сел совсем без прикрытия. По одному участковому есть, и все. Побоище начнется, грабеж...

Группа ментов – даже не омовцы, зря только автоматы и бронежилеты носят. Но, несмотря на устойчивый групповой алкогольный пал, последствия действий боевиков они прорисовывали правильно. Полежут бандиты в села, и тогда крови прольется – море...

Однако с моими силами уничтожить такую банду было более чем проблематично. Даже при том, что все мои бойцы, за исключением одного, были офицерами. Хотя наш прапорщик в бою пятерых солдат стоил, не меньше. В части же вообще беда. При нынешнем положении в армии, когда бойцов призывают всего на год, их обучить ничему не возможно. Просто времени не хватает, чтобы успеть сделать из них настоящих «профи». У меня больше половины роты состояло из молодых бойцов, не имевших опыта серьезных боев. Обложить и уничтожить небольшую банду они могли, но вести бой с превосходящим по численности противником и уничтожить его напрочь – это было для них за гранью возможного.

С трубки спутниковой связи я прямо при ментах набрал номер дежурного по штабу, которому десять минут назад докладывал о прибытии в поселок. В ответ услышал только каскад лошадиных усталых вздохов. Как довесок к этим вздохам я получил подтверждение, что перебросить подкрепление возможность есть, но на это уйдут сутки, не меньше. И хорошо было бы, если бы я сумел на сутки связать действия банды. На этом разговор завершился. На прощание дежурный опять тяжело вздохнул, так как ничем меня не обрадовал.

Сутки. Легко сказать... Чтобы продержаться такое время, нужно иметь соответствующий профиль местности, дающий возможность использовать естественные природные укрытия в качестве укреплений. Но мы были даже не в настоящих горах, а среди холмов, покрытых местами лесом, но большей частью травой. Причем травой высокой, под прикрытием которой легко подобраться к нам вплотную. Через лес подойти, понятно, еще легче, и соваться туда нам нельзя, поскольку противника видно не будет, а он может подойти предельно близко.

Однако хоть неделю ходи вокруг да около, а в бой вступать необходимо. У меня еще была надежда на ментов. Не может же быть в районе всего четыре человека, к тому же ограниченно боеспособных. У нас в стране, по статистике, соотношение такое же, как в предвоенной Европе, – на сто жителей приходится по менту, тогда как, скажем, в европейских странах в среднем по полицейскому – на четыреста человек.

– Вы себе в райотдел докладывали? Вам что сказали? Когда могут перебросить дополнительные силы?

– В райотделе сейчас только дежурный остался. С ним говорили. Думает, ближе к утру успеют... – виновато ответил мент. – Но близко никого из подготовленных сотрудников нет. ОМОН со всего района куда-то перебросили на операцию. А остальных вместе с бронетранспортером райотдела в соседний район отправили. Приказ был помочь провести там масштабную проверку паспортного режима. А дежурный наш что... Ничего дельного он посоветовать не смог, но хотя бы тревогу объявил. Предлагает завязать бой и сковать силы бандитов. Нам четверым предлагает. О вашем присутствии он еще не знает.

– И пусть не знает. Может, тогда поторопится, – согласился я и, зевнув, прикрыл рот ладонью. Этот зевок не был ковбойским жестом пренебрежения. Он получился непроизвольно, хотя, наверное, авторитетно. – Как у бандитов с вооружением? Что вы видели?

– Автоматы только... – неуверенно пожал плечами второй мент, погоны которого под бронежилетом видно не было. – С «подствольниками» и без. Что еще есть? Кажется, только автоматы... И ножи у многих...

– Ножи – это очень важно, – не мог я оставить без внимания такую наблюдательность.

– Я пулемет видел, – сказал третий. – Ручник... «Калаш»...

– Сколько пулеметов? – сдерживая вздох, спросил я.

Но разведчики из ментов, судя по всему, были еще те. Почти час наблюдали за бандитами, сосчитали количество, но не поинтересовались всерьез вооружением. Это ведь тоже суметь нужно! Не каждому, разумеется, дано...

– Я только один видел, – повторил третий. – И еще там какие-то ящики стоят. Есть большие, есть маленькие. Зеленые, армейские.

– Что в ящиках?

– Не могу знать.

Вздохи сдерживать я устал – и все же вздохнул. Посмотрел на четвертого. Тот молчал и только гордо поглядывал по сторонам, уже готовый принять бой с бандитами даже без поддержки отряда спецназа ГРУ – нас то есть, – предчувствуя, должно быть, свою героическую смерть. Видал я, между прочим, таких орлов. Толку от них мало. Они гибнут ни за что, только за принцип, тогда как задача им ставится совсем другая. Даже неопытное в военных делах полицейское начальство сформулировало – задержать бандитов на месте, дать им увязнуть. Но выполнять этот приказ придется, несомненно, моей группе...

* * *

Я позвал старшего лейтенанта Сережу Украинцева. Он встал перед ментами скалой, которую можно было, наверное, сдвинуть с места только танком. Впечатление на них он произвел внушительное. Коротко – не как менты мне – я объяснил ситуацию, одновременно давая тем урок исчерпывающего доклада. Не забыл высказаться и относительно ментовской способности к разведке.

Сережа выслушал и даже в лице не изменился, принимая ситуацию почти за штатную. Он вообще любые ситуации считает штатными и не теряет невозмутимости. Даже тогда, когда попал в госпиталь с четырьмя пулевыми и двумя рваными осколочными ранениями, удивляя издававших виды военных врачей тем, что и после таких ранений не вышел из боя. Его тогда, потерявшего много крови, вынесли на носилках. Я еще подумал, что его свалила последняя пуля. Оказывается, он упал не от нее. Они попали раньше. Причем две из них – в правое бедро, и каким-то образом умудрились не задеть бедренную артерию. Иначе Сережа не выжил бы. Еще одна пуля угодила в левое бедро, и тоже мимо артерии – прошла навывлет. А последняя – в левое плечо. Сколько пуль в бронежилет ударило, и сосчитать не смогли, хотя солдаты пытались. Бронежилет после того боя пришлось выбросить.

– Когда выступаем? – прозвучал вопрос Украинцева.

– Немедленно, – сказал я торопливым, деловым тоном, сам уже полностью и безоговорочно решившись, потому что в голову пришла счастливая мысль, как следует вести себя, чтобы сковать действия банды и заставить ее воевать там, где будет выгодно нам. – Прикажи Бубновскому подготовиться. Ему необходимо будет поработать, показать, как говорится, пионерский салют. Пусть хоть весь свой запас берет. Если сразу истратим, может быть, дело будет. Если дела не будет, нам ничего уже не понадобится. Гони... Да, еще сходи в магазин. Вон там, за первым углом. Принеси молока. Мне просто необходимо снять отравление от перегара, которым дышат наши коллеги из МВД. Все...

Сам, присев, я развернул на колене карту, чтобы менты показали мне место сосредоточения бандитов. Хотя я и без того уже понял, где расположились боевики. Перекресток четырех дорог поблизости был только один, и я это знал, поскольку перед выходом внимательно изучил карту. Эта многолетняя привычка часто выручала меня в сложных ситуациях, когда надо срочно среагировать на ситуацию, а возможности заглянуть в карту не было. Вообще, карта места действия должна быть не на бумаге, а в голове офицера.

К сожалению, БМП сопровождения у нас в этот раз не было. Сообразуясь с существующим положением, военным машинам уже было разрешено ездить без сопровождения броне-

техники – не то что несколько лет назад, когда в любом ущелье могла оказаться засада, а из любых кустов – прозвучать пулеметная очередь. В те времена я лично, возглавляя колонну, каждые подозрительные кусты приказывал предварительно прошивать пулеметной очередью из БТРа, а каждую опасную грудку камней расстреливать из пушки. Сейчас бы пригодилась даже одна БМП с полным боекомплектом. Она могла бы выравнять численное неравенство сторон и за какие-то минуты решить исход боя. Но на войне сослагательное наклонение уважением не пользуется, и потому я на этой мысли сосредотачиваться не стал.

Ментовский офицер уловил мое недовольство определенными и неопределенными ароматами и, отворачивая лицо, опять посетовал, что имеющийся в райотделе бронетранспортер отправили на проверку паспортного режима.

– Ну хоть какую-то технику здесь добыть можно? – спросил я.

– Если только дедушку Гасана попросить? – по-русски предложил полицейский.

Второй мент что-то ответил ему на своем языке. Старший кивнул, и тот побежал в сторону поселка.

– Кто такой дедушка Гасан? – возник у меня естественный вопрос. – У него, что, во дворе стоит собственный танковый батальон?

– Местный житель. Герой Отечественной войны. Вся грудь в орденах. У него старый военный «Виллис», но на ходу, бегают еще... Если объяснить ситуацию, дедушка Гасан никогда не откажет. Он бандитов не боится, ненавидит их. Старый коммунист, той еще закалки, не нынешней. Нынешних он не признает. А машина хорошая...

– Без пулемета?

– И без крыши. Кабриолет, можно сказать.

– Любой велосипед – это по большому счету тоже кабриолет...

– А стекло вперед опускается, на капот ложится. Пулемет можно установить. Но главное – эта машина проедет везде. По нашим холмам для нее одна преграда – сплошной лес. А так – вездеход. Можно для разведки использовать.

* * *

Конечно, полотно дороги вполне могло служить прикрытием. Отстреливаться с верхней точки всегда лучше, чем с нижней. А дороги здесь всегда высокие, насыпные. Наверное, для того, чтобы взять хороший разгон при падении в пропасть. Но вокруг дороги, как я видел по топографической карте, теснились холмы, пропастей видно не было и некоторые высотки наверняка были выше, чем уровень дороги, иначе самой дороге извиваться между ними смысла не было. Некоторые из холмов находились достаточно близко не только от дороги, но и друг от друга, что создавало возможность вести одновременный плотный огонь. Значит, дорогу как защитный бастион следовало отместить сразу. И вообще на укрытие рассчитывать было сложно. На успех в открытом бою, лоб в лоб, – тем паче. Что же оставалось? Только хитрить. План боя я для себя уже определил и даже отдал распоряжение Сереже Украинцеву. Вернее, через него передал приказ старшему прапорщику Андрею Бубновскому, саперу нашей группы и вообще большому специалисту по изготовлению и установке взрывных устройств.

– В какую сторону, предположительно, двинут бандиты? – спросил я Дзгоева, как человека, лучше меня знающего местную обстановку.

«Полиционер» переглянулся со своими товарищами, и все дружно пожали плечами:

– В любую.

Откуда-то из поселка послышался звук двигателя колесного трактора, обычно называемого в народе «пукалкой». Звук явно перемещался в нашу сторону.

– Могу предположить, что они двинут туда, где могут получить максимальный эффект от своих действий. А где именно?

В ответ менты опять дружно пожали плечами.

– Эффект, как они понимают, должен быть политический, а не материальный, – попытался растолковать я. – В свою очередь, политический эффект сам собой повлечет материальные вливания из-за рубежа. Бандиты подставят дурную молодежь под пули, а сами заработают деньги. Обычная история. Где они могут получить максимальный политический эффект?

Менты, кажется, были способны реагировать на мои наводящие вопросы только пожатием плеч. Значит, придется самому выбирать направление, по которому следует направить бандитов. То есть вызвать огонь на себя и выманить их на открытое место. Но к этому тоже следует подготовиться.

Звук тракторного двигателя был уже совсем близко, и я предположил, что убежавший за «Виллисом» мент не сумел договориться с хозяином машины и по дороге где-то угнал трактор.

Подошел старший лейтенант Украинцев. Выглядел он, как всегда, невозмутимым.

– Ну что, командир, мы готовы познакомить бандитов со Смертью. – Он, похоже, уловил мою мысль о предстоящих действиях.

– Вы о чем? – спросил полицейский и вопросительно посмотрел на меня, словно ожидая объяснений.

– Смерть... Валар¹... – повторил Украинцев.

Кажется, мент начал догадываться. Это стало понятно по его расширявшимся зрачкам. Сережа Украинцев изменение зрачков тоже заметил.

– Ну да, – подтвердил он. – Ты, брат, слышал про капитана спецназа ГРУ, которого ваши бандиты зовут Саня Смерть? Иногда называют Саня Валар... Так вот, под его командованием сегодня будешь воевать. Гордись...

Мент сначала испугался, потом, по мере осмысления, глаза его загорелись. Он воодушевился и поверил в то, что мы способны не просто связать действия бандитов, а победить. Другие менты тоже оживились.

– Надеюсь, никто из вас не надумает заработать на нашем командире? – усмехнулся старший лейтенант. – А то предупреждаю: я в сжатом кулаке из камней сок выжимаю. Если кому-то горло сожму, может потом некоторое время, грубо говоря, побаливать...

Разговор шел о том, что бандиты еще полгода назад пообещали выплатить вознаграждение в двадцать тысяч долларов тому, кто просто укажет им мое местонахождение, или сразу пятьдесят тысяч тому, кто сам принесет им мою голову. Именно потому я, представляясь кому-то из местных, обычно называю свою должность или звание и, если это необязательно, стараюсь не называть имени и фамилии. Не то чтобы опасаюсь, но предпочитаю не сгущать тучи над своей стриженной головой.

Но разговаривать на эту скользкую тему желания ни у кого не было. Если бы даже менты и подумали о хорошем заработке, они все равно не стали бы делиться своими соображениями. На впечатляющий кулак старшего лейтенанта они посмотрели с уважением...

* * *

Звук тракторного двигателя вырвался из крайней улицы, и мы увидели, что это вовсе не трактор, а натуральный «Виллис» со снятым брезентовым верхом и опущенным на капот стеклом. Видимо, выхлопная труба давно оторвалась, и потому звук был таким оглушающим. Облако пыли за машиной поднималось почти такое же, какое может поднять трактор, ибо ехал «Виллис», к моему удивлению, достаточно проворно. Можно сказать, не по годам. Впечатление складывалось такое, что машина старательно убегала от пыли. И направлялась к нам напрямую через какие-то рытвины и полузасыпанные канавы, подпрыгивая, как молодой игривый козел.

¹ На вайнахские языки смерть переводится как «валар».

Не зря, видимо, советскую модификацию этой машины, выпускавшуюся после войны по американской лицензии, так и называли «козлом».

– Спасайся, кто может... – при приближении «Виллиса» привычно невозмутимо предупредил старший лейтенант Украинцев. – У водилы в голове тормозов нет...

У самой машины тормоза все же, к счастью, оказались. Мент, который сидел за рулем, затормозил неподалеку от нас, облако пыли нагнало его, окутало от нижней части колес до ментовской макушки и выше, а потом накрыло и нас. Хорошо, что я успел полностью выпить молоко, иначе пришлось бы его выливать.

– Дедушка Гасан разрешил машину не беречь, если нужно. Он все равно ездить уже не может. По двору еле ходит, – доложил мент, выбираясь из своего пылевого облака и углубляясь в наше. – Можно пулемет устанавливать. И в разведку отправляться.

– Турели у нас нет, – возразил Украинцев. – И пулеметы только ручные. А их можно на «Виллис» и не устанавливать. А что касается разведки, я бы воздержался от участия в мероприятии такой техники. Это будет не разведка, а парад раритетов. Предпочел бы в разведку пешком сходить. Или бегом сбегать. Как, командир?

Я показал ему карту и ткнул пальцем в место дислокации банды.

– Понял. Гнать будем в нашу сторону?

– Мне лень переходить на другую, – теперь я зевнул уже демонстративно. – Пусть сюда идут. Мы навстречу выдвинемся.

– Где встанешь?

Я показал на карте.

Сережа бегом двинулся в сторону нашего еще не развернутого опорного пункта. Группа уже была готова к выступлению. Почти сразу Украинцев двинулся в сторону дороги, перебежал через высокую насыпь и пропал из виду, первоначально удаляясь не в ту сторону, куда следовало.

– Куда он? – не понял мент.

– Он знает куда и знает, с какой стороны зайти. Старший лейтенант – опытный разведчик. Машину пока на месте оставьте. Подумаем, как ее использовать. Саперные лопатки или даже настоящие лопаты у вас найдутся?

– Могу съездить. В поселке возьму, – предложил покрытый пылью мент-водила.

– Гони. Галопом... Остальные – за мной.

Я не стал возвращаться к группе, а сделал знак рукой. Командир взвода лейтенант Парамонов сразу уловил мое движение и двинулся в нашу сторону.

* * *

Вот уж чему я успел научить молодых солдат, так это общаться с малой саперной лопаткой. Она в спецназе выполняет две функции. Во-первых, это всем понятный шанцевый инструмент, необходимый солдату настолько же, насколько садовая лопата необходима огороднику. Во-вторых, это грозное оружие рукопашного боя, заменяющее и штык, и нож, и топор, и щит. Не зря создана целая система фехтования малой саперной лопаткой.

Я вывел группу на позицию, выбранную по карте. Среди всех ближайших холмов этот был, наверное, не самым высоким, но он прикрывал прямой путь к поселку и, как я убедился уже на самом холме, путь этот время от времени использовался, потому что через высотку вели две тропы, утопанные овечьими копытами. И здесь, уже на месте, я дал группе конкретное задание.

– Ситуация сложная. Противник значительно превосходит нас численностью, и численность эта, как я подозреваю, увеличивается с каждым часом. Когда бандиты двинутся в нашу сторону, я не знаю. Допускаю, что они уже выдвигаются, хотя могут и не торопиться. От скоро-

сти, с которой вы выроете окопы, зависит ваша жизнь. Все! Это классика обороны. Покажите, что высший пилотаж вы освоили. Вперед! Вниз то бишь...

– Товарищ капитан, а если они сюда не пойдут? – спросил старший мент. – У них направлений – не сосчитать...

– Пойдут. Я позову, и пойдут.

– Как так? – не понял мент.

– Просто и обязательно. Им очень хочется получить баксы за мою голову. Они за «зеленую» полезут, даже если нас будет в два раза больше, чем сейчас. Я уже дважды так работал. Лезут. И другие так работали. Моим именем назывались и устраивали засаду. Даже если о засаде подозревают, все равно лезут. Жадность человеческая безгранична.

Оставив ментов дожидаться, когда «Виллис» привезет им лопаты, я пошел наблюдать за работой. Парамонов все делал правильно – даже дерн снимал аккуратно, чтобы уложить его на бруствер без просветов. Если бруствер не прикрыт дерном, его можно различить издали. А так бруствер и торчащий из него ствол даже в бинокль не всегда определишь.

Я же добрался наконец до старшего прапорщика Бубновского. Его работа суety и торопливости не терпит, и потому я сразу к нему не подходил, чтобы тот не думал, будто подгоняю. Он сам понимает, насколько нам дорого время, и потому не теряет его. Только вот с доставкой его груза к месту установки должны были возникнуть проблемы.

Место я Бубновскому указывать не собирался. Он сам видел линию обороны, которую мы заняли, и потому легко просчитывал направление главного удара. Обычно мины выставляются не только на основном направлении, но и прикрывают фланги. Но старший прапорщик опыт боевых действий имел основательный, и мины приготовил для каждого опасного участка. Единственный вопрос, который мне задал Андрей, относился к предполагаемой тактике бандитов.

– В лоб полезут?

– Не просто в лоб. Будем их на себя вызывать. На меня, то есть на мое имя. Думаю, они будут преследовать Украинцева. Для Сережи нужно будет коридор оставить, чтобы не нарвался сам. А у него за спиной коридор перекрыть. Это возможно?

– Никаких проблем. Я выставляю мины только с дистанционным управлением. Даже если он на нее наступит, мина не сработает.

– А если наедет?

– На том джипе?

– Это даже не джип, это еще «Виллис»². Он на нем к бандитам и поедет. На такой грохот боевики сразу обратят внимание.

– Доедет?

– Главное, чтобы назад добрался. В случае чего может и добежать. Сережа хорошо бежит.

– Может, машину заминировать и специально оставить бандитам? Я старлею пульт дам, он в нужный момент и взорвет.

– Машина местному ветерану принадлежит. Он, правда, разрешил ее не жалеть, тем не менее старика жалко. Но я спрошу у ментов, они договаривались. В любом случае, хороший взрыв будет только в нашу пользу.

– Машина едет... – подсказал Бубновский.

Тракторный голос двигателя старенького автомобиля говорил, что мент-водила готовится как минимум к участию в «Гран-при Монако». Шум стремительно приближался.

– Что там за чудик за рулем? На первой скорости идет...

² Автомобили марки «Джип» явились развитием и продолжением марки «Виллис». Первый «Джип Рэнглер» практически очень мало отличался внешне от своего предка.

– Мент из местных. Ни скорости переключать не умеет, ни притормаживать. Думает, что тормоз у него только для полной остановки предназначен. За лопатами поехал. Парамонов, – позвал я лейтенанта, – пусть менты себе отдельные окопы копают. Хватит им на чужом умении выезжать. Захотят подсесть к нашим, не пускай. Присмотри за ними.

Я уже хотел повернуться в сторону машины, вот-вот готовый вылететь за пределы поселка, чтобы принести нам на головы новое облако пыли, когда краем глаза заметил движение среди высокой травы. Одного пристального взгляда было достаточно, чтобы определить – через траву, ростом превышающую человеческий рост, кто-то бежал в нашу сторону. Это оказался Украинцев.

– Значит, так. Из поселка, обходя нас, в сторону дислокации банды прошли три человека. Молодые парни, с автоматами. Это или разведка бандитов, или местная молодежь. Скорее второе. В любом случае, бандиты теперь знают, что мы здесь устраиваемся.

Я посмотрел на ментов. Машина уже подошла, лопаты нашлись. Лейтенант Парамонов показывал, где копать окопы, – как обычно натаскивал своих солдат. Пытался вдолбить и ту простую истину, что в бою в живых остается тот, кто не ленится к нему подготовиться. По крайней мере, менты сразу показали, что жить они хотят, и за работу взялись усердно. Надолго ли хватит их стремления жить, сказать было трудно. С непривычки мозоли на загребущих полицейских руках могли появиться уже через пятнадцать минут. А с мозолями им и жизнь покажется уже не такой распрекрасной, чтобы за нее бороться с каменистой землей. Я с такими случаями уже встречался...

* * *

Резонно было предположить, что бандиты предпочтут атаковать ночью, надеясь застать нас врасплох. Нам же ночной бой был невыгоден. В этой ситуации преимущество в численности стволов всегда сказывается сильнее, чем в дневном бою. Но мы постараемся выманить их раньше. Полдня у нас в запасе есть. Хотя пару часов из этого времени уйдет на подготовку укреплений. Будем готовиться...

Старший прапорщик Бубновский свое дело знал, и потому, прежде чем выставить мины «МОН-50»³, прошел по предполагаемому ближнему маршруту движения банды, выбрав наилучшие участки. Подбираться бандиты будут, понятное дело, скрытно. Значит, пойдут не напрямую, через холмы, а между ними. В одном месте сам профиль местности просил установить с двух сторон по мине. Если бандиты не растянутся цепочкой, их можно будет двумя взрывами чуть ли не полностью уничтожить. Мина «МОН-50» имеет в своем арсенале около полутысячи шариков. Две мины, следовательно, разбросают тысячу осколков. На банду этого хватит с избытком. Третью и четвертую мины старший прапорщик выставил дальше, справедливо решив, что уцелевшие бандиты после попадания в зону массового поражения предпочтут отойти, чтобы уточнить свои потери и перегруппироваться. Тогда можно будет радиосигналом активировать и эти мины, чтобы они завершили дело. На случай, если бандиты решат атаковать с флангов, по две мины выставлялись по сторонам. Там они должны были встретить банду в лоб.

– Все готово, – хмуро доложил Бубновский.

³ «МОН-50» – мина противопехотная, осколочная, направленного поражения, управляемая. Предназначена для выведения из строя живой силы противника. Начинена убийными элементами, вылетающими в направлении противника в секторе 54 градуса по горизонту на дальность до 50 метров, с высотой поражения от 15 сантиметров до 4 метров на предельной дальности. Взрыв производится оператором с пульта управления при появлении противника в секторе поражения, а также при срабатывании датчика взрывателя или натяжного взрывателя. Мины «МОН-100» и «МОН-200» имеют более значительную поражающую мощность, однако из-за собственного веса менее удобны в транспортировке вручную. «МОН-100» весит 5 килограммов, а «МОН-200» – 25 килограммов. И потому спецназ обычно предпочитает использовать «МОН-50».

Андрюша в последнее время всегда хмурился. Идиотские инициативы руководства о ликвидации института прапорщиков должны были коснуться и его. И кем он станет в будущем, старший прапорщик Бубновский, высокочеловеческий специалист, не знал.

Хмурился и я, представляя себе гениальный кадровый ход инициатора этих нововведений и задумываясь о том, что она еще натворит, эта творческая новация. Хмурились при таких мыслях и другие офицеры...

Украинцев выглядел почти веселым, а это уже само по себе было не слишком радостным признаком. Так и оказалось.

– Могу тебя, командир, поздравить, – начал он. – Бандиты прибывают. Сколько еще подойдет, представить трудно. На вооружении автоматы, в основном с «подствольниками», семь ручных пулеметов и станковый автоматический гранатомет. Я долго его в бинокль рассматривал. Мне показалось, это «Балкан»⁴. Где добыли, не знаю. Могли ли захватить – не слышал. Но как они его с собой потащат, предположить не могу. Там же веса чуть не полста килограммов. Транспорта у них нет...

– Давай подарим им транспорт.

– У меня у самого такая мысль была. Андрюша справится? Чтобы в ключья...

– У «Балкана», кажется, гранаты безгильзового типа. Легче взорвутся.

– Это едва ли. Там такая же система, как в «подствольнике», – корпус гранаты является одновременно и гильзой. Но при хорошем заряде должно сдетонировать.

– Ты поедешь?

Украинцев сомнений не испытывал:

– Конечно...

Но и я тоже намеревался съездить, чтобы лично познакомиться с обстановкой. Одно дело – знать ее со слов, даже боевого зама, и другое – видеть лично. И это очень важно.

– Тогда пойдем готовиться. Еще что-то увидел?

– Снайпер у них есть. Не люблю снайперов.

* * *

Подготовка много времени не заняла. Старший прапорщик Бубновский быстро собрал из готовых элементов взрывное устройство с радиоуправляемым детонатором. Я написал крупными буквами записку бандитам. Текст был предельно простой:

«Я, капитан спецназа ГРУ Александр Викторович Смертин, которого вы называете «Саня Смерть», пришел к вам, здравствуйте! Можете считать меня своей Смертью, я разрешаю. И обещаю, что в живых вы можете остаться только в том случае, если сложите оружие и безоружными пойдете в нашу сторону сдаваться. На раздумье вам оставляю ровно сутки. Через сутки, если не согласитесь, вы будете уничтожены».

Если учесть, что бандиты знают, сколько нас, то отпущенное им на раздумье время я рассматривал как время, через которое можно было рассчитывать на подкрепление. Поэтому они двинутся вперед немедленно. За какие-нибудь несколько десятков тысяч долларов они готовы организовать большой шум. И, как им кажется, даже без больших усилий. Пойдут, обязательно пойдут. Не удержатся. Жадность не позволит это сделать. Они очень хотят... даже не заработать, а схватить то, что плохо лежит. На этом и попадутся. Они считают, что моя

⁴ Автоматический гранатомет «Балкан» 6Г27 – мощный автоматический гранатомет, допускающий эффективную дальность стрельбы до двух с половиной километров при темпе четыреста выстрелов в минуту. Имеет калибр 40 миллиметров. С 2008 года находится в войсках на испытаниях. На вооружение еще не принят. В сравнении со своими предшественниками гранатометами «Пламя» (калибр 30 миллиметров, эффективная дальность стрельбы до 800 метров) и «АГС-30» с теми же показателями, является более мощным и эффективным оружием.

голова лежит плохо. А она не лежит, она на плечах держится достаточно крепко и иногда даже думать умеет.

Машины менты отдали нам с сожалением. Водила, как мне показалось, уже привык к ней и не собирался возвращать дедушке Гасану. Но его в последнюю поездку «Виллиса» я не взял – слишком плохо умел пользоваться тормозами.

Впрочем, Сережа Украинцев любому Шумахеру даст фору. На заднее сиденье – в тесноте, но не в обиде – сели я и старший прапорщик Бубновский. Поехали, громохоча двигателем, напрямую через холмы.

Перед последней высоткой мы вылезли и дальше двинулись бегом до самой вершины, где залегли с биноклем. Как раз успели. Бандитов было хорошо видно. Они устроились на опушке леса и на звук двигателя вышли к склону холма. «Виллис» до бандитского лагеря не доехал метров триста. Старший лейтенант Украинцев поднял над головой руку с белой тряпкой, вышел из машины, воткнул в землю свой шест, а на палку нацепил мое письмо. После этого вернулся в машину. «Виллис» лихо развернулся и тут же, на развороте, ткнулся носом в яму и заглох. Сергей несколько раз нажимал на стартер, пытаясь завести машину и выбраться задним ходом. Не получилось. А бандиты уже спускались с холма. Украинцев несколько раз обернулся. Когда дистанция составила сотню метров, он выпрыгнул из машины и побежал в сторону лагеря – но не через холм, на котором мы засели, а низиной, между двух холмов. Такая манера отступления бандитам понравилась. Они на ходу дали в воздух несколько очередей, но в беглеца не стреляли, пока не прочитали письмо. А когда прочитали, то открыли шквальный огонь. Но старший лейтенант уже пропал из поля видимости.

Стрельба, однако, прекратилась, когда подошел кто-то из командиров и взял письмо в руки. Прочитал, плюнул в листок, бросил на землю и растоптал. Главарей я знал по материалам розыска. И потому тщательно всматривался в окуляры бинокля. Однако разобрать лица и определить, кто у бандитов эмир, так и не сумел. Бинокль был слабоват.

Бандиты встали в круг. Я давно заметил, что у кавказских народов эта фигура пользуется большим уважением. Даже национальные танцы у них исполняются в кругу, и движение производится по кругу.

Разговор был коротким. Сначала боевики что-то кричали, махали руками, потом стали кричать громче и стрелять в воздух, выражая свой щенячий восторг. Они чувствовали себя сильными, когда сжимали в руках приклады. Балбесы. Не понимали, что автомат и общее количество бойцов – это далеко не самое главное в бою. Главное – умение. На их восторг я мог ответить только плевком на лысину эмиру. Далековато только, доплюнуть не смогу.

Машина стояла рядом, но о ней после прочтения письма все забыли. Вспомнили только, когда приняли общее решение и подошли поближе. Один из бандитов сел за руль, попытался выбраться из ямы, но не сумел. Тогда помогли другие. Вытолкали. Можно сказать, что на руках вынесли. Эмир сел справа.

– Может, его взорвать? – спросил Андрей.

– Не торопись, – удержал я старшего прапорщика. – Гранатомет «Балкан» для нас опаснее этого дурака в несколько раз. А что он дурак, я не сомневаюсь. С ним Смерть пообщалась, на встречу пригласила. И вот он спешит...

– Эмир сделал свой выбор, – недобро усмехнулся Бубновский. – Это его собственная вина.

– Коробку с гранатами тащат, – сказал я. – Внимание. Будет коробку ставить, взрывай...

Андрей Бубновский приготовил пульт и вслепую положил палец на кнопку, не отрывая глаз от бинокля. Ситуация приятная. Никто после этого не скажет, что я взорвал эмира и гранатомет, несмотря на свое предложение о сутках на раздумье. Неудачно коробку поставили, и все... С безгильзовыми гранатами обращаться следует аккуратно.

Взрыв грянул такой, что земля под нами и на соседнем холме вздрогнула. Гранаты все же сдетонировали. Я осмотрел в окуляры место взрыва с искренним удовлетворением.

– Возвращаемся, – дал я команду. – Похоже, мы уже человек пять-семь этим взрывом уложили. Сами виноваты. Разве можно стоять рядом с местом погрузки боезапаса?..

* * *

Теперь оставалось только ждать. Горячая кровь толкнет молодых парней к желанию немедленно отомстить. Значит, ждать недолго. Бегом, как мы, они не передвигаются. Но пешком идти тоже не очень далеко. В нашем распоряжении оставался час с небольшим. Я еще раз проверил, как выполнены все подготовительные работы. Хуже всех окопы оказались у ментов. Край пологие, глубина такая, что там только на коленях можно стоять, иначе пулю получишь. Но это их беда. Хотя от замечания я не удержался.

Дзгоев, чтобы скрыть смущение, сообщил мне, что снова звонил дежурному в свой райотдел. Тот пообещал: подкрепление прибдет раньше, может быть, к началу ночи успеет, и даже усиленное двумя минометами «Поднос»⁵. Правда, армейских минометчиков найти не удалось, и в качестве наводчиков будут тоже менты, которые когда-то в армии служили в артиллерии.

Мне ментовский подход понравился. В принципе, ничего страшного, наверное. Если у нас директор мебельного магазина стал министром обороны, то любой бывший артиллерист без проблем может сработать за минометчика. Против этого я и возражать не стал. Только проворчал:

– А вообще нужно ли нам подкрепление? Сдается мне, до его прибытия мы банду уничтожим. Впрочем, пусть прибывают. Кто-то все равно по ближним холмам разбежится. Пусть ловят. Это у вашего брата получается профессионально...

Теперь осталось ждать. И мы бандитов все-таки выманили, хотя ожидание затянулось, на мой взгляд, неприлично долго. Боевики появились, когда уже приближались сумерки. Они шли нестройной колонной, больше смахивающей на толпу. Старший прапорщик Бубновский, занявший позицию рядом со мной, недовольно проворчал:

– Могли бы и более широкой колонной двигаться. Слишком растянулись. Я две мины активирую, передовой отряд накрою. А больше половины, наверное, отойти сможет.

– Пусть отходят. Там ты из этой половины еще половину накроешь.

– Все равно, приятнее, когда сразу, одним ударом.

– Пулеметы к бою! – прозвучала моя команда.

Я специально не предупреждал, что стрелять следует после взрыва. Офицеры и так это знали. Только вот пулеметы бы им хорошие, со сменным стволом... А у «РПК»⁶ ствол перегревается слишком быстро, в результате чего для плотного боя его трудно назвать идеальным оружием. Но «за отсутствием гербовой», как говорится...

Андрюша Бубновский ситуацию всегда чувствовал и тянул время, не торопясь нажать кнопку на своем пульте. Дал бандитам пройти дальше, чтобы взрывом разорвать банду на две части и подставить передовую под пулеметные и автоматные очереди.

Так все и произошло. Я только собрался дать команду «Пора!», как старший прапорщик сам себе сказал ее же:

– Пора!

⁵ «Поднос» – миномет 2Б14 «Поднос», калибра 82 миллиметра, находится на вооружении армии с 1983 года, но до сих пор пользуется популярностью за счет возможности мобильного использования. Миномет вместе с расчетом и с запасом мин легко помещается в автомобиле «УАЗ-469».

⁶ «РПК» – ручной пулемет Калашникова.

И, поскольку я не возразил, он приподнял перед собой пульт, положил палец на кнопку, а сам стал всматриваться в склоны тех сопок, где установил мины. Хотел проконтролировать, как сработает взрывчатка. Бубновский хладнокровно наблюдал, как вздрогнула земля и ситуация непоправимо изменилась. Колонна остановилась и замерла в страхе, ошеломленно наблюдая, как два противоположных склона холмов, между которыми шла колонна боевиков, полыхнули красно-черным огнем, а потом и белым пламенем. Его давала алюминиевая пудра, и пламя это было длинным и стремительным. Облако огня, копоти и пыли не сразу позволило рассмотреть, насколько удачными были взрывы, но мне, как командиру, засматриваться долго не следовало.

– Огонь! – крикнул я во весь голос.

Раздался сухой треск рваных, сливающихся в один звук автоматных очередей. Казалось, что по наклоненной стиральной доске катают горох. Передовой отряд боевиков попал в сложное положение. Уцелев от взрыва, еще не решаясь бежать туда, где не осели дым и пламя, они больше никуда бежать не могли и, замерев, падали под кинжальным огнем. Опытных боевиков в передовом отряде, наверное, не было, потому что любой обстрелянный человек уже после взрыва просто упал бы на землю и лежал без движения. Это давало хотя бы иллюзию временного спасения.

Выставив свой автомат прикладом в землю, я вставил в ствол «подствольника» «гранату-лягушку»⁷. Навесной выстрел послал ее в место, где ни одного стоячего бандита уже не оказалось. Но мертвым от лишнего осколка боевик не станет, раненого осколок добьет, прекратив мучения, а того, кто залег и не шевелится, еще как заставит зашевелиться, если не убьет сразу. Однако вины своей я не чувствовал. Я предупреждал. И еще раз предупредил, хотя те, к кому мои слова относились, меня не слышали:

– Здравствуйте, я ваша Смерть!

Но нас, по крайней мере, обстрел гранатами обезопасил. Сразу после меня в ту же сторону скакнуло еще несколько «лягушек». С передовым отрядом, точно так же, как и со средней частью, было покончено. Разница была только в том, что передовой отряд, предположительно, был добит осколками гранат. А группе, попавшей в «объятия» минных осколков, еще предстояло получить от «лягушек» полную порцию металла.

Пыль уже осела, дым испарился, и было видно, как оставшиеся боевики торопливо отступают тем же путем, которым пришли. Я посмотрел на старшего прапорщика Бубновского. Он автоматом не пользовался, руку держал на пульте следующих мин, а глаз не отрывал от бинокля, выбирая момент, когда произвести очередной взрыв. Наша позиция позволяла бы послать с десятков «гранат-лягушек» вперед, но взрывы могли поднять много пыли и помешать Бубновскому. Я громко распорядился:

– «Подствольники» зарядить, ждать команды.

Наконец появилась возможность посмотреть на ментов. Они сидели в крайнем окопе и выглядели достаточно неуклюже. Окоп был мелковат, а долго стрелять, стоя вприсядку, сложно. Менты то и дело выпрямлялись и поднимались над бруствером почти грудными учебными мишенями. Хорошо еще, что боевики были объята паникой и уже не думали о том, как им заработать баксы.

– Дзгоев! – крикнул я. – Посади своих людей. У бандитов снайпер есть.

Дзгоеву не потребовалось повторять. Упоминание о снайпере заставило всех четверых вжать голову в плечи и присесть. Им даже, как мне показалось, расхотелось стрелять.

– Пора, – снова сам себе дал команду старший прапорщик Бубновский и снова нажал на кнопку пульта управления.

⁷ «Граната-лягушка» – выстрел для подствольного гранатомета и ряда других гранатометов «ВОГ-25П» или «ВОГ-25МП». После попадания в цель «граната-лягушка» подпрыгивает до полутора метров, и уже с этой высоты разбрасывает осколки, увеличивая сектор поражения, прежде всего лежащего человека.

Я едва успел перевести взгляд и увидел, что бегущих бандитов накрыло встречной сдвоенной волной взрыва. Пыль, гарь, яркое белое пламя, поражающие элементы мин – все это обрушилось на банду, ударив боевиков в лицо, и словно бы попыталось отшвырнуть назад, к нам поближе. Но такое впечатление длилось всего пару секунд, потому что после этого пыльно-дымовое облако окутало тропу и ничего уже не было видно.

Однако времени терять не стоило. Нам предстояло вести преследование, и потому требовалось обезопасить себя от шальной автоматной очереди.

– Гранатометы к бою!

Я послал свою «лягушку» вместе со всеми. И только одна граната, как я успел заметить, легла на склоны холмов. Остальные попали туда, куда и требовалось, подпрыгнули и засыпали поле минной ловушки стальными осколками.

Тем временем начали сгущаться сумерки – а в горных районах они наступают всегда стремительно. Следовало начать преследовать боевиков и добить банду. Я встал на бруствере в полный рост, готовый поднять за собой всю группу, но увидел, что из своего окопа выскочил и бежит ко мне, как нищий с протянутой рукой, Дзгоев. Именно его жест и задержал мою команду.

– Мне позвонили, – с нескольких шагов начал кричать мент. – Подмога уже прибыла. Они в поселке. Едут сюда. Я посоветовал развернуть минометы и стрелять по бегущим прямо с машин.

Я обернулся в сторону поселка и увидел, как четыре грузовых машины выехали из улицы как раз в том месте, где мы собирались устроить палаточный городок. Две из них были с брезентовым тентом, две – с открытым кузовом. И прямо с ходу доморощенные ментовские минометчики начали стрелять. Мина с первой машины, провыв над нами свою волчью песню, улетела куда-то на один из холмов, на склоне которого Андрюша Бубновский выставил мину. Мина со второй машины выла другим голосом. У каждого миномета, как и у волков, имеется свой «тембр голоса». Я смотрел не туда, куда попадет мина, а туда, откуда стреляли, удивляясь такой глупости – стрелять без остановки, когда машина подпрыгивает на выбоинах. Потом почувствовал удар по темени. И все... Белый свет потух...

Глава первая

Моя бы добрая воля, я бы всем на свете врачам глотку зубами перегрыз, честное слово. Особенно профессорам, которые считают себя очень умными и потому всех остальных, не профессоров, относят к профессионально не пригодным врачам. И еще присвоили себе право решать судьбу людей, их самих не особо спрашивая. Грубо говоря, больше всего на свете у меня чесались руки в отношении той парочки профессоров, с которыми я постоянно сталкивался уже на протяжении трех с половиной месяцев. И что им далось мое здоровье, что они там в моей голове находят такого, чего я сам не ощущаю? Вообще считаю, что врачам, которые сами болеют, верить нельзя категорически. А из этой парочки один так кашлял, что, я думаю, выкуривал не менее двух пачек сигарет в день и давно имел какую-нибудь хроническую легочную хворь. Сунули бы его ко мне в роту на недельку на исправление... Он после первого же дня забыл бы про то, что такое курение. Один приличный марш-бросок – и все, прощай сигареты. Проверено! А второй профессор медленно умирает от ожирения. Ему я бы тот же рецепт выписал, что и первому. Ноги в руки – и на марш-бросок... И молодые ведь еще, немногим старше меня.

Меня же врачебным мнением не прошибешь. Мне положено быть здоровым, и я таким буду. Даже такая тяжелая травма головы, что в прямом смысле этого слова свалилась на мою бедную голову, сломать меня неспособна. Когда я смотрел, как менты стреляют из грузовиков на ходу, мина, пролетев по какой-то замысловатой траектории, чиркнула меня стабилизатором по макушке, слегка проломив череп, и улетела дальше, под основание холма. Там только взорвалась. До этого основания холма было метров двадцать пять. Могло бы и осколками посечь, если бы стабилизатор меня не отключил. Удар был неожиданным, саму мину я, естественно, не видел и от удара сразу свалился. А Дзагоеву, который как раз ко мне в этот момент подбежал, осколком от мины перерезало горло. Его похоронили, а меня откачали уже в госпитале, куда доставили вертолетом. А потом загнали в московский госпиталь на растерзание профессорам. И терзают... И голову, и душу...

Я понимаю, что энцефалограмма им говорит больше, чем мне. На то они и врачи, на то и обучались, чтобы уметь читать эти непонятные кривые. Я вот карту местности умею прочитать, а они – энцефалограмму. Каждому свое. Они одного только не в состоянии понять. Что это мой мозг, и я, не читая кривые зубцы, нарисованные самописцами, ощущаю его лучше, чем они. А я ощущаю его здоровым. У меня уже и головные боли прошли, и чувствую я себя лучше двух профессоров, вместе взятых. Я за три с половиной секунды из этой парочки сделаю два беспомощных мешка, причем с завязанными глазами сделаю. Только несколькими ударами. И на инвалидность их отправлю.

Но пока в их власти отправить меня в этом направлении. Именно туда, на инвалидность. И коновалы очень стараются. Ну да, я, поскрипев мозгами, тоже начинаю понимать, что все врачи считают окружающих людей патологически больными, как менты всех считают преступниками и думают, что если человек «не мотал срок», то это только по их недоработке. Если на ментов внимание обращать, то «патронов» не хватит.

С врачами та же история. Остается только молча сопротивляться, поскольку власть не в моих руках. Даже над собственным жизненным путем. То есть, если эти два высоколобых профессора решат отправить меня на инвалидность, у меня не будет возможности продолжать заниматься тем, чем я привык и что единственно умею делать хорошо. Однако, пока они изучают мою голову разве что только без микроскопа, я уже сам начал приводить себя в нормальную физическую форму.

Из госпиталя меня выписали десять дней назад, но каждые три дня я обязан был появляться в неврологическом отделении и проходить очередное обследование. Короче говоря, все

еще находиться у врачей «под колпаком». И наплевать им было на то, что я не москвич, что мне от маминого дома в подмосковной деревне до Москвы добираться полтора часа на электричке. Больному человеку такие нагрузки, понятно, не под силу. И уже то, что я появлялся, было подтверждением моего нормального состояния. И утренние часовые кроссы, и турник во дворе, и боксерский мешок рядом с турником, и тракторная крышка, по которой я каждый день молотил кувалдой, отрабатывая силу удара, все это говорило о том, что я готов в любой момент «вступить в бой».

Электричка и метро меня сильно утомляли. Я не говорил своим профессорам о том, что чувствую себя в толпе незнакомых людей, да еще в ограниченном пространстве, дискомфортно. А то клаустрофобию припишут, или как там еще это называется, и в «психушку» положат. Но сам себя я постоянно ловил на том, что нервничаю, когда вокруг множество незнакомых людей, остро и по-разному пахнущих, прижимаются ко мне, толкают, отодвигают в сторону...

Не нравился мне общественный транспорт. И по этой причине в выходные дни, когда мне не было необходимости являться в госпиталь, сгонял домой к себе в военный городок и забрал свою машину, чтобы избежать поездок в электричках и всяких там автобусах-трамваях. Не подумал сразу, что толкотня в вагонах не намного хуже автомобильной толкотни на дорогах столицы, где «пробок» столько, что специалисты, которым положено с «пробками» бороться, уже и считать их перестали, махнув на ситуацию рукой. Мол, пусть автомобилисты сами разбираются и, если есть возможность не ездить на машине, не ездят. Впрочем, нервы у меня оказались все же крепкими, и в «пробках» на дорогах я не возмущался так сильно, как в автобусе и трамвае...

* * *

В тот день я впервые услышал, как два профессора и третий врач – не иначе, доцент, потому что из-за очков смотрел напряженно и старался выглядеть умнее, чем был, – обсуждая внутреннее содержание моей головы, ничуть не стесняясь, откровенно признали, что этого «товарища, так сказать, капитана», необходимо уже направлять на комиссию, потому что «органические изменения необратимы». То есть меня намеревались все же отправить на инвалидность и уже заочно решили лишиться регалий капитана спецназа. И все только потому, что стабилизатор пролетающей мимо мины сделал в черепной коробке две глубокие борозды. Это заставило врачей заменить куски кости полосками из нержавеющей стали. Меня такое положение с черепной коробкой, признаюсь, не сильно пугало, потому что если «нержавейка» качественная – а мне сказали, что это высоколегированная сталь, – то ржаветь она не будет. А что касается инвалидности, то еще соседи по палате с видом знатоков уверяли меня, что она мне обеспечена.

Я не верил, потому что чувствовал себя почти здоровым и металлические полосы мне не мешали. При этом настраивался, что буду не просто здоровым, а полностью дееспособным. Полковник в отставке, что лежал в палате у окна, попытался объяснить мне, что «Фольксваген», выпущенный в Германии, напоминает ему спецназовца до ранения, а «Фольксваген», выпущенный в Калуге, – спецназовца после ранения. Из сказанного я сделал вывод, что полковник в отставке, как и я, имеет именно такую машину, выпущенную в Калуге, и очень ею недоволен, в отличие от меня, полностью удовлетворенного своим маленьким «Тигуаном». Но в свой адрес иносказание не принял. И я здоровел день ото дня, чему никто верить не хотел. Я здоровел – и, тем не менее, меня все же решили отправить на комиссию. Решение, впрочем, оказалось еще не окончательным и было отложено на несколько дней, после очередных обследований.

Не в самом лучшем настроении после встречи с высокими медицинскими светилами я обычным своим маршрутом поехал в деревню к маме. Как назло, пробок в этот день на дорогах было больше обычного. До конца света, как я понимал, оказалось еще далеко, но столичные пробки стремительно приближали всех нас к дорожному апокалипсису. И нервничал я больше обычного. Меня раздражало все. Особенно женщины на дорогах, потому что дважды мне приходилось уступать дорогу там, где я уступать ее был не должен. Оба раза за рулем то ли лихих, то ли наглых машин были женщины, не понимавшие, что такое «помеха справа». Потом какая-то девица долго тащила через очередную пробку в соседнем со мной ряду и все пыталась как следует меня рассмотреть. Даже к рулю наклонялась несколько раз. Похоже, ей пришелся по душе мой камуфляж. Чтобы отвязаться, мне самому пришлось на нее посмотреть и скорчить такую страшную физиономию, что она ненароком газанула и чуть было не въехала в ползущую впереди машину.

А потом, уже на МКАДе, появились *эти*, на ярко-синем «Порше Панамере». Машина стоимостью восемь-девять миллионов себя не жалела и пыталась протиснуться между плотными рядами, постоянно сигналила, не жалея аккумулятор. Конечно, в какой-то момент я мог слегка сдвинуться вправо и опасно прижаться ближе к тяжелому самосвалу. Габариты своей машины я чувствовал хорошо и, наверное, сумел бы сохранить ее любимое тело от повреждений. Но водитель «Панамеры» вел себя слишком нагло. Настолько нагло, что уступать ему было – просто не уважать себя. И я спокойно продолжал ехать как ехал, не уступая дороги. Я в своем ряду и в своем праве. И мне было плевать на стоимость машины, которая торопилась. Но водителю и пассажирам этой машины было не наплевать на себя. Они себя очень уважали и требовали от других уважения к своим деньгам. Но при этом не понимали, с каким настроением может ехать человек, которого в расцвете лет и сил врачи собирались отправить против его воли на инвалидность. И настроение это не позволяло мне уступать. «Панамера» дважды пыталась протиснуться, едва не задевая мою машину, но я ехал строго прямо, не обращая внимания на непрекращающиеся сигналы. Потом дорога стала чуть свободнее, «Порше» обогнал меня и резко остановился впереди, перекрывая путь. То есть сделал то, на что я в глубине души надеялся. Былая реакция у меня после ранения никуда не пропала, и я успел остановиться. Не пропала и быстрота действий, а она мне была необходима, потому что из «Панамеры» выскочили четверо молодых кавказцев. Но пока они добрались до моей машины, я уже тоже выскочил из салона. Остановились и другие машины, образуя новую пробку.

– Ты что, оглох, не слышишь сигнала?! – заорал водитель, размахивая одновременно двумя руками так, что не поймешь, с какой руки он намеревается бить. Это неудобно, приходится напрягаться.

– Когда хочешь с кем-то поговорить, сначала поздоровайся, сынок, – посоветовал я спокойно. – А потом уже можешь суетиться...

– Вот и здоровайся сам, – посоветовал второй. – Начинай, глухой...

– Это я могу, – согласился я. – Здравствуйте, ребята. Меня зовут Смерть. Саня Смерть. Валар. Саня Валар. Не слышали?

Впечатление на них это не произвело, из чего я сделал вывод, что абреки давно уехали с Кавказа – в раннем, скорее всего, детстве, – но национальную свою наглость не потеряли. Двое двинулись в лоб; третий, зайдя сбоку, ни слова не сказав, сразу попытался меня ударить. Впрочем, сделал это достаточно неумело, хотя бил резко, но я легким скользящим шагом сдвинулся в сторону, заставив его «повалиться» после удара на капот моей машины. Почти не глядя, сделал отмашку – ребром ладони под основание черепа. И получилось у меня не менее резко, чем у парня. Первые две секунды он еще придерживался за капот руками, потом сполз под него.

– Вы не поняли? Я – ваша Смерть... – сказал я уже серьезно и глянул так, что двое стоящих передо мной сделали по шагу назад, а четвертый как был позади них, так там и остался, не двигаясь вперед.

Я еще контролировал ситуацию и свои нервы тоже.

– Забирайте своего друга и быстро мотайте отсюда. Я вас пока отпускаю, – попытался я разойтись миром.

Но парней это, видимо, не устраивало.

Водитель уже пришел в себя и так же неумело, как первый бил рукой, попытался заехать мне ногой в голову. Я вообще-то своих солдат всегда учу, что удар кулаком обычно бывает более резким и неожиданным, а защититься от удара ногой проще, чем от удара кулаком. Поэтому я никому не рекомендовал бить ногой выше пояса. Разве что коленом куда-нибудь в область печени. Этому удару я солдат даже обучал. Исключение составляли спортсмены тех видов спорта, которые основаны на ударах ногами. Эти, имея базовую подготовку, бить умели. Но у моих нынешних противников таких стойких навыков не было.

Бьющую ногу я пропустил над головой, успел заметить, что второй, попросивший меня поздороваться, лезет куда-то под мышку, где обычно носят пистолеты, и не стал сразу добивать первого, потерявшего равновесие. Коротким прыжком сократив дистанцию, я воспользовался тем, что правая рука у парня оказалась поднятой над печенью, и ударил под локоть коленом. Как обычно бывает при получении такого удара, парень не сразу среагировал. Печень – она тугодумка. Но уже через пару секунд парень завалился под свою машину. Четвертый сделал сначала только два быстрых шага назад, но тут же, едва я топнул ногой, развернулся и вприпрыжку побежал между теми машинами, которые объезжали нашу пробку. Рисковый человек!

Но я по натуре не спортивный болельщик и потому не стал интересоваться, какая из машин его задавит. Тем более что чувствовал движение за спиной. И обернулся вовремя. Водитель «Панамеры» уже вернул себе равновесие и примеривался, чтобы нанести новый удар ногой. Что ему такие глупые удары дались! Сам, наверное, небольшого ума и с весьма примитивной подготовкой... Я стоял правым плечом вперед и, хотя от природы не левша, разворачиваться в противоположную сторону не стал, как не стал давать возможность парню нанести удар. Выставил вперед правую руку, заставив противника поднять обе свои к голове в интуитивном защитном движении, а сам ударил левой между предплечий в середину груди, в межреберье.

Вообще-то это страшный удар. Можно и соединительные ткани в грудной клетке порвать, можно устроить человеку ушиб сердца, что тоже не слишком хорошо. Можно вообще убить, если сердце такого удара не выдержит. Несмотря на то что врачи прослушивают сердце с левой стороны груди, оно находится практически посередине и только слегка смещено в левую сторону. А врачебное прослушивание ни о чем не говорит. Доктор слышит только то, что отражает стетоскоп.

Мой удар оказался удачным. Водитель «Панамеры» сломался пополам и уткнулся носом в асфальт. Тем временем на ноги начал подниматься и тот, что начал драку. Чтобы он освободил мне дорогу, я аккуратным пинком по физиономии отправил его из согнутого положения в лежачее под «Панамерой».

Дорога была свободна. Я сел за руль, заметив, как какая-то молодая красотка снимает все происходящее на камеру своей трубки, и спокойно уехал. Нервы после «выброса пара» как-то сами собой успокоились, и я безропотно потерял всего лишь полчаса при выезде на шоссе Энтузиастов, а потом час в пробке на самом шоссе...

* * *

Компьютерные игры я не признаю принципиально, а компьютер использую только для того, чтобы «прогуляться» по разным сайтам – в первую очередь по новостным – и по армейским форумам. Иногда и сам что-то пишу, чтобы не потерять воинский дух и передать его частицу другим.

Компьютер моей мамы, учителя сельской школы, был довольно слабеньким, а линия связи – не широкополосная, поэтому, чтобы посмотреть только то, что я смотрел у себя дома, мне требовалось втрое больше времени. У нас в городке со связью все-таки получше, чем в подмосковной деревне. Тем более что провайдер у нас был свой, армейский. Иногда медлительность компьютера мамы меня раздражала, но в целом я скоро привык. На форумы теперь заходил редко, но новости смотрел всегда.

Интернет тоже, понятное дело, имеет своих хозяев, а хозяева имеют свои политические предпочтения, которые создают общий фон сайта. Тем не менее там можно узнать более подробную информацию и, что важно, более правдивую, чем в телевизионных новостях. Верить последним – это то же самое, что верить словам наших руководителей разных рангов. Многие из кожи вон лезут, чтобы доказать, как распрекрасно мы живем. Они-то живут совсем в другом измерении, а насчет нас вопрос еще долго, похоже, будет оставаться открытым...

В этот раз Интернет преподнес мне сюрприз, которого я не ждал. Я не искал специально такие сообщения. Но они оказались представлены в разных, но похожих вариантах сразу на нескольких новостных сайтах в разделе происшествий вместе с сообщением о разбившемся самолете, где было множество жертв. Вообще обо всех происшествиях на дорогах в новостных сайтах сообщается регулярно, а уж о тех, что происходят на территории Москвы, – обязательно. Кто-то не поленился и расписал мое столкновение с молодыми кавказцами. На сайтах даже присутствовали фотографии ярко-синего «Порше Панамеры», стоящего, перегораживая полторы полосы на МКАДе. Но не было, к счастью, ни моей фотографии, ни фотографии моей машины, ни номера. Однако один из чеченцев – а я только из новостей узнал, что это чеченцы, – умер в результате удара в грудь от разрыва сердечной аорты. Должно быть, несмотря на то что я бил не ударной рукой, а левой, все-таки не рассчитал силу. На мою машину, белый «Тигуан», был объявлен розыск, как и на человека, находившегося за ее рулем в момент происшествия.

Обычно в таких случаях, когда в деле замешаны или кавказцы, или машины с «мигалками» на крыше, в Интернете откуда-то всплывают и фотографии участников, и даже видеозаписи всего произошедшего. А я хорошо видел, как какая-то девица с горящим от возбуждения взглядом снимала меня камерой трубки. Но она свою запись не выставила и номер моей машины никак не «засветила». Впрочем, это совсем не говорило о том, что через час или даже завтра видеозапись не будет опубликована. Но пока ее не было, и это утешало.

Избиение чеченцев в сообщении преподносилось как действие, возможно, профессионального спортсмена или сотрудника военного ведомства, знакомого с восточными единоборствами. Причем сразу было высказано, что этот человек угрожал своим жертвам смертью. Должно быть, это оставшимися в живых чеченцами была озвучена моя попытка представиться. Они так и не поняли, о чем речь. И слава богу, что не поняли. Впрочем, если менты не обучены толком стрелять из миномета, это вовсе не говорит о том, что они не умеют искать. И вполне способны до меня добраться. Тем более что кто-то может сбросить в Интернет дополнительную информацию.

Приятного в моем положении было мало, хотя всерьез расстраиваться было, по сути дела, еще не от чего. Поразмыслив, я решил, что предпринимать ничего пока не следует, а лучше ограничиться только контролем сообщений на эту тему в новостных сайтах. Если на меня появятся новые данные, тогда уже необходимо будет что-то предпринимать. В частности, обеспечить себе какое-то алиби или придумать еще что-нибудь.

Я глянул на часы внизу монитора и хотел было уже встать, чтобы заварить свежий чай к приходу мамы, когда взгляд упал на значок электронной почты. Мне пришло письмо. Вообще-то сообщение могло прийти и маме, но я, зная ее электронный адрес, не знал пароля для открытия ее почтового ящика. А свой пароль я уже ввел несколько дней назад, когда проверял почту. Следовательно, открыть я мог только письмо, пришедшее мне.

Заглянув в почтовый ящик, я убедился, что почта действительно пришла на мой адрес, и стал открывать файл, но это оказалась настолько долгая процедура, что я, высказав про себя несколько не совсем добрых слов в адрес местного провайдера, успел заварить чайку. И даже после этого некоторое время пришлось подождать. Кто мог прислать такое объемное письмо, я не знал. Но посмотреть надо было срочно...

«Да, срочно», – понял я, когда файл открылся и оказался видеофайлом. Смотрел я его, не включая звука, потому что слышать мне ничего и не требовалось. Но смотрел с критическим любопытством. Это была хорошо выполненная видеозапись моей схватки на дороге. При этом можно было хорошо рассмотреть и меня самого, и номер моей машины. Это меня, признаться, не удивило, хотя внешне мне собственные действия не понравились. Раньше я действовал более быстро и резко. Значит, следует потренироваться.

И только после этого я начал соображать, что может значить для меня это сообщение. Сама съемка была, видимо, подготовлена заранее, иначе трудно было бы снять все так четко, без помех со стороны других машин и чтобы я этого не заметил. Снимали, похоже, издали, но с применением объектива, обладающего мощным «зумом». Но главное было не в этом. Главное было в том, что кто-то меня поджидал. Из этого легко вытекал вывод – кто-то знал, что именно ему придется снимать. То есть молодые чеченцы на «Порше Панамере» были подставными, которым дали задание завязать со мной драку. Может быть, их наняли специально, чтобы меня избить. И они готовились к этому, не зная даже, на кого нарвались. И, естественно, не ожидали, что одного из них после такого столкновения придется хоронить, причем, в нарушение мусульманских традиций, не в день смерти, ибо в день смерти из судебно-медицинской экспертизы труп обычно не выдают. Но тот, кто нанимал чеченцев, сам прекрасно знал, что им уготовано. Иначе вся идея с видеосъемкой не имела бы ровно никакого смысла...

Вообще, как мне сразу показалось, кто-то выстроил мне ловушку, в которую я просто не мог не попасть. Это просчитать – как ухо почесать. Мой характер и мое боевое прошлое после ранения меня не покинули, и я остался все тем же капитаном Смертиным, командиром роты спецназа ГРУ, все тем же Саней Смерть, Саней Валар, каким и был, и всех встречных и поперечных старался в этом убедить. О ловушке говорил самый элементарный анализ полученной видеозаписи. Просмотрев ее трижды, я пришел к окончательному выводу: кто-то подготовил этот инцидент, а я попался, тупо и упрямо отправляясь к удаву в разинутую пасть. И сейчас сижу именно там, хотя еще не чувствую этого, и даже думаю, что могу в любой момент выскочить из ловушки и исчезнуть, куда мне вздумается. Нет, товарищ капитан! Влипли...

Подготовка такой акции могла быть проведена только с целью заснять результат, который в итоге и был заснят. То есть вся операция проводилась персонально против меня. Об этом же говорил тот факт, что видеозапись прислали на мою электронную почту, хотя в адресе не было никаких указаний на то, кому она принадлежит. Я, конечно, не могу дать гарантию, что этот адрес известен строго ограниченному количеству людей, тем не менее у меня на спине он не написан. Но всякий, кто когда-то работал в форумах, знает, что при регистрации электронный адрес указывается обязательно. Имея соответствующие навыки, добыть электронный адрес человека, более того, даже вскрыть пароль его почтового ящика не слишком сложно. И потому опираться только на точный адрес было рискованно. Но в совокупности со всем остальным это служило лишним подтверждением целенаправленной акции.

Внешне не просматривалось, кому понадобилось меня подставить. В такой ситуации в первую очередь ищут врагов, откровенных, скрытых и вероятных. С открытыми все понятно: в моем случае это как раз те, кто назначил кругленькую сумму за мою голову. Мне это льстило, но немножко мешало в быту. Приходилось соблюдать излишнюю осторожность во многих жизненных ситуациях. Даже жена, с которой я развелся три года назад, по моему настоянию сменила фамилию на девичью и поменяла фамилии сына и дочери. Жена по профессии – врач-

патологоанатом, и потому моя фамилия ей и нравилась, и подходила на ментальном уровне. Но с ней пришлось расстаться и поменять паспорт.

Открытых врагов в случае с видеосъемкой следовало рассматривать в последнюю очередь. Им не было смысла так замысловато меня подставлять. Допустим, некто предложит выкупить пленку и в это время попытается меня захватить. Во-первых, такой захват опасен по той самой причине, по которой я получил свое прозвище. Во-вторых, зачем так усложнять и без того сложную жизнь? Нет. Здесь что-то другое.

Открытые враги действовали бы без романтики. Если я обнаружен, меня можно просто подстрелить. Никто, даже самый подготовленный специалист, не в состоянии защититься от «заказа». У человека нет глаз на затылке. А затылок почему-то не умеет рикошетом отбивать пулю – там кость слишком мягкая. Лоб, случается, создает рикошет, я встречался с такими случаями дважды. Правда, оба раза каменным оказывался не мой лоб. Пуля на излете, попадая под острым углом, при удаче действительно может срикошетить. Лобовая кость у человека самая крепкая. А затылок не срикошетит никогда. Кроме того, есть еще и снайперы. От пули снайпера вообще не существует иной защиты, кроме везучести. Но везучесть не бывает, как математическая константа, величиной постоянной.

Что еще возможно? Для чего мне прислали эту запись? Кто прислал? Это можно будет вычислить, догадавшись, для чего прислали. Отсюда нужно и плясать. Конечно, проще простого дожидаться продолжения, и тогда узнать. Но к любой неожиданности следует быть основательно подготовленным. Хотя бы морально. Тогда ей легче будет противостоять – если, конечно, будет желание. Но, скорее всего, захочется, потому что за хорошие предложения, за которые держатся двумя руками, хватаются в открытую, без принуждения. А меня определенно желают к чему-то принудить, причем не найдя другого способа, кроме шантажа. Для этого неизвестные провели, надо сказать, весьма основательную организационную работу, связанную с созданием криминогенной ситуации, да плюс еще отсняли достаточно профессиональный видеосюжет. Если действительно работал профессионал, то мои дела обстоят не самым лучшим образом. Такие спецы умеют давить и привыкли доводить дело до конца. И кто же тогда?.. Частные структуры в выборе средств не брезгают ничем. Впрочем, и государственные тоже хорошим воспитанием отличаются только на знаковых мероприятиях, когда им «светят» солидные выгоды. Значит...

* * *

Вернулась с работы мама. Я поспешил включить газовую плиту, еще раз подогреть чайник. Он уже успел остыть, пока я любовался на экране компьютера своими дорожными приключениями. Мама слегка задержалась, заглянув по дороге в магазин.

– Ты дома? – спросила она так, словно бы факт моего присутствия вызвал у нее удивление.

– А где мне следует быть? – не понял я.

– Мне почему-то казалось, что ты сегодня в Москве задержишься...

Голос у мамы всегда сдержанный и строгий. Профессиональная учительская манера говорить. И оттого я обычно чувствую себя перед ней школьником, хотя всячески стараюсь из подобного состояния выйти и к детству не возвращаться.

– Меня Москва всегда сильно утомляет, ты же знаешь. А, собственно, почему я должен был там сегодня задержаться? – не понял я, хотя легкое напряжение мамы почувствовал. Не напряжение тела, а внутреннее, нервное, прозвучавшее в голосе каким-то укором.

Мама слегка смутилась и сказала уже более тихим голосом:

– Мне просто казалось... Ты на днях с отцом Василием разговаривал. Я думала, вы договорились вместе поехать в Москву. Я с ним своих старшеклассников отпустила...

Я вспомнил разговор с местным приходским священником. Конкретно я не обещал ему, но сам внутренне согласился поехать в Москву для участия в акции. В столице в очередной раз намеревались провести гей-парад, и народ готовился провести встречный демарш. Обычно эти акции заканчиваются обменом ударами. Именно ради этого отец Василий собрал деревенскую молодежь. Ко мне он обратился как к специалисту по ударам. Еще утром я помнил, что надумал принять участие в народной акции, но потом, после всех медицинских и криминальных передраг, мысли ушли в другую сторону.

– Я не обещал, хотя и не отказывался. Но у меня, мама, сегодня очень тяжелый день. За своими заботами все постороннее из головы вылетело.

– У тебя что-то случилось? – она опять спрашивала не как мать, а как учительница.

И если раньше я хотел было рассказать ей о происшествии на дороге, то теперь передумал и только поделился тем, что меня собираются отправить на комиссию, а оттуда дорога одна – на инвалидность.

– Может, это и к лучшему? – сказала мама. – И мне спокойнее. А поехать с отцом Василием тебе все же стоило...

Я промолчал, понимая, что она права, и закрыл в компьютере все страницы, с которыми работал. Полученный видеосюжет я еще раньше сохранил в собственной папке, в которую мама никогда не заглядывала из принципа. Она у меня всегда была человеком строгих правил...

* * *

Пока мама занималась своими хозяйственными делами, я снова сел за компьютер, еще раз посмотрел видеозапись, пытаясь хотя бы приблизительно определить профессиональный уровень тех, кто ее делал. Два момента, которые я раньше упустил из виду, на сей раз заставили меня задуматься.

Когда мы смотрим кино или телевизионную программу, то практически никогда не задумываемся об операторской работе. А она довольно сложная и требует высокого профессионализма. Здесь, в моем случае, конечно, работали не киношные профессионалы, не соискатели каких-то премий. Тем не менее это была не любительская работа. Я сам пользовался камерой, доводилось снимать бытовые сюжеты и даже занятия с солдатами, чтобы потом показать им явные ошибки. Для большей наглядности тренировок. И мне всегда не хватало профессионализма для того, чтобы сделать запись такой, какой я хотел бы ее увидеть. То не с той стороны подойду, чтобы вести съемку, то не тот план возьму... Здесь же подобные ошибки отсутствовали. Более того, после записи был произведен монтаж. В какой-то из моментов я со своим противником вышел из зоны видимости оператора. И тут же показ продолжился с другой точки.

При первом просмотре, как в кино, не обращаешь на это внимания, потому что действие, по сути своей, не прерывалось и все было показано именно так, как происходило в действительности. Но переход с камеры на камеру произошел. Значит, снимали два оператора двумя камерами с разных точек. То есть из разных машин. А потом кто-то срочно и качественно смонтировал из двух пленок одну.

Я сразу понял, какая это должна быть мощная организация, чтобы обеспечить такую съемку и такой качественный монтаж. Ведь нужно иметь не только двух хороших и почти профессиональных операторов. Может быть, даже профессиональных – не мне, дилетанту, об этом судить. Но оценить вложенные средства я могу. Нужно было иметь в своем распоряжении еще и двух водителей, которые сумеют в сложной дорожной обстановке соблюсти дистанцию, когда одна машина чуть не «бодает» бампером идущую впереди, а вторая почти упирается ей в багажник. И не застрять в своем ряду, когда другой ряд движется, и не обогнать, когда приходит в движение твой ряд. А это, как понимает любой, кто передвигается на колесах по Москве, требует чрезвычайно высокого уровня водительского мастерства.

Я лично с водителем такого уровня встречался только один раз. Это был инструктор экстремального вождения в системе подготовки спецназа ГРУ. Я сам водитель неплохой, и даже, может быть, обращаюсь с автомобилем лучше большинства из тех, кто выезжает на дороги. И со многими дорожными ситуациями справлюсь. Все-таки курс экстремального вождения проходил трижды по разным направлениям подготовки. Но того уровня, что демонстрировал нам инструктор, я показать никогда не смогу. Нужно иметь особый талант и особые наработанные навыки. Наверное, два водителя, что везли операторов и преследовали мою машину, подобным талантом обладали. Они ехали так аккуратно и не вляпались ни в один дорожный скандал, что я не сумел их засечь, хотя и не стремился в нормальной, мирной городской обстановке контролировать дорогу позади багажника своей автомашины.

Но память военного разведчика обычно сама по себе регистрирует любое повторение, что происходит рядом с ним. Несколько раз попалась на глаза машина, и память это фиксирует. Мои преследователи, видимо, мне не попадались, из чего можно сделать вывод, что они знали, кого снимают, и потому держались предельно осторожно. Моя память их не «сфотографировала». Следовательно, я, зная свои способности, делаю справедливый вывод, что работали против меня профессионалы хорошего уровня и высокой степени подготовки. Едва ли в какой-то частной или криминальной структуре наберется большое количество спецов такого рода. Ну, если парочка в одной и той же структуре, не больше. Из них один – оператор, второй – водитель. В любом случае должен быть и кто-то третий, кто разрабатывал всю комбинацию и просчитывал варианты. Когда спецназ ГРУ готовит какую-то операцию, все расчеты возможных ситуаций ложатся на плечи офицеров оперативного отдела – изощренных, хитрых, изворотливых, битых-перебитых, знающих наперед, в какую переделку сотрудник может попасть. В моей истории расчеты тоже, как мне кажется, должны были быть весьма сложными, и одному человеку все подготовить и выработать тактику конкретных действий было практически невозможно.

Так что же получается, против меня работает некая мощная государственная структура, причем структура федерального уровня, а не какая-то мелкая местечковая?

Это, конечно, лестно. Но что этой структуре от меня нужно? Я задавал себе этот вопрос, понимая, что ответить на него не могу. А могу только предполагать, что случайно по долгу службы коснулся запретной темы, которая вызывает у кого-то очень влиятельного неподдельный интерес. И теперь меня попытаются прижать, чтобы я имел возможность стать мягким и покладистым, готовым оказать любую услугу... Впрочем, я и раньше бабулек в автобус и в трамвай подсаживал, и теперь этим не брезгую, хотя общественным транспортом пользуюсь редко. А если серьезно, то точно так же, как раньше, я понимаю, что есть такое понятие, как государственная тайна, и вынужден буду следовать распоряжениям лиц, эту тайну охраняющих. Единственное, как можно отреагировать на внимание к себе людей, которых об этом не просили, – только взрывом собственных эмоций. А мои эмоции взрываются вместе с кулаками, и это бывает опасным явлением...

* * *

Нервное напряжение хорошо сбрасывает интенсивная пробежка. Кстати, это не шутка, это многократно проверенный опытным путем психологический опыт. Пробежка же, кстати, неплохо помогает понять, контролирует ли кто-то мои передвижения, или этот контроль осуществляется только тогда, когда я оказываюсь в Москве. По крайней мере, во время пробежки, например, через лес спрятаться и осмотреться вокруг – дело в моей ситуации обязательное. Это на случай, если возникнет необходимость в какой-то момент постараться уйти так, чтобы никто без моего подробного объяснения не догадался, что я вообще ушел. И не понял, каким образом я это сделал, и в какую сторону – вправо, влево, вверх, вниз, прямо или назад, и с

какими намерениями. Наша служба такая, что командование обычно доверяет нам работать, исходя из обстановки. И эта привычка проявляется не только во время конкретной операции, и вообще не только в службе.

Я переоделся в спортивный костюм и вышел из дома. Правда, не на деревенскую улицу, как обычно, а, пройдя через огород, перепрыгнул через прясло и побежал вдоль много лет уже не засеваемого поля до ближайшего березового колка. Почва под ногами была неровной; когда-то, много лет назад, ее перепахали, сделали борозды, но потом даже не боронили, и все поле так и осталось состоящим из высоких, заросших борозд. Но в поле я не углублялся, чтобы не покалечить себе ноги, предпочитая бежать вдоль огородов. Здесь время от времени траву скашивали, чтобы оградить от возможных лесных и полевых пожаров, и бежать мне ничто не мешало. Я, естественно, не прятался. Если кому-то хочется считать, что я решил прятаться, пусть так считает. Но тогда пусть и следит за мной. А тот, кто пойдет за мной по следу, вынужден будет мне показаться. Мне было бы любопытно посмотреть на такого человека.

Благополучно и в высоком темпе я добежал до березового колка. Я всегда бегаю в таком темпе, в отличие от старичков, которые убегают от инфаркта всего лишь трусцой. Видимо, инфаркта я пока абсолютно не боюсь, считают те, кто меня видит бегущим, раз я ношусь всегда с такой скоростью. Я, впрочем, за удивленными взглядами не слежу. Пусть смотрят, мне не жалко. Но я привык жить и действовать на скорости, и пусть тот, кто хочет как-то мне соответствовать, подстраивается сам. Может начать прямо с бега. Пусть посоревнуется со мной в том же темпе.

Углубившись в березовый колос, я побежал не по тропе, а напрямую через заросли зеленого молодняка, и в самом густом месте, даже не останавливаясь, чтобы присмотреться, нырнул в кусты и постарался раствориться в них. Вынырнул я совсем в другом месте, на опушке колка, и уже оттуда постарался рассмотреть и тропу – в обе стороны, сколько глаз хватало, – и поле, и деревенскую околицу, вдоль которой бежал. Ничего подозрительного я не увидел; никто не старался, задыхаясь, меня нагнать, и нигде не было видно машины, из которой кто-то настырный мог бы в бинокль любоваться моими спортивными достижениями. Похоже, что постоянной слежки за мной не было. Но это, видимо, следовало рассматривать как естественное состояние.

Каким меня видит в этот момент тот, кто мечтает, грубо говоря, «прижать меня к ногтю»? Наверняка слегка напуганным возможностью разоблачения, но в то же время сильно заинтригованным. Они знают, что делают. Как знаю и я, что если человека желают просто посадить, то материалы видеосъемки пересылают в первую очередь не ему самому, а в Следственный комитет.

Человеку вообще не следует знать, что его вот-вот могут схватить неизвестно откуда набежавшие менты и следки. Тем более такому человеку, как офицер спецназа. Иначе менты его просто не найдут никогда. А без предупреждения есть хотя бы какая-то возможность спрятаться. В нашей стране, с ее всегдашним беспорядком и с полной неразберихой у ментов, затеряться легче простого. Только дураки бегут за границу, когда хотят замести следы. Там их быстро ловят. Сами менты или прокурорские работники, когда их собираются «повязать», остаются в России, потому что, как на самом деле здесь ищут людей, знают лучше других. Но если офицера спецназа не предупреждать, справиться с ним возможно, потому что ствол автомата всегда был достаточно убедительным аргументом в пользу того, кто этот ствол направляет. Хотя бывает и по-другому... Выходит, скажем, утром человек на крыльцо, потягивается и почесывается, а его самым беспардонным образом не пускают в дощатый туалет и тыкают в живот автоматным стволом. Потом цепляют на руки наручники и сажают в машину, не дав даже надеть штаны. В туалет, естественно, так и не пускают, за что выслушают массу упреков от задержанного офицера спецназа. А потом привезут его или в Следственный комитет, чтобы оформить документы для суда, или даже сразу в здание суда. Там офицер спецназа в туалет

все же попросится. Один из ментов-охранников пожелает его сопроводить и выйдет из туалета уже вторым – или выползет, но без оружия.

Примерно так я видел картину своего задержания и последующего побега, если все это станет реальностью. Я лучше других знаю, что нет охраны, которая сможет меня удержать в заключении, и нет помещения, которое я не покину при сильном желании. Не придумали еще... Это, понятно, мрачный и самый крайний сценарий. Но в каждой шутке, как говорится, есть доля шутки. Когда меньше, когда больше. А в моей «юмореске» она плещет через край. Чтобы содержать под стражей такого человека, как я, нужно несколько других офицеров спецназа. Но держать бойцов ГРУ в качестве охраны – это слишком большая роскошь для нашего не самого богатого государства. У нас только отдельные личности очень богатые, а само государство – отнюдь. Оно и не может быть богатым, потому что слишком стремится подкармливать нуворишей и почти откровенно выставляет это напоказ.

* * *

Пробежку я все же растянул на привычный час. За это время основательно пропотел и, вернувшись, сразу заглянул в душ, который сам же и сделал из двухсотлитровой металлической бочки – вода в ней слегка подогревалась за день на солнце – и будки, обтянутой старой клеенкой. Полотенца у меня с собой не было, и в дом я вошел с мокрой головой. Мама сидела за компьютером.

– Тебе два письма пришло, – сообщила она. – Я сохранила в твою личную папку. Голову вытрешь, прочитай. Я работать закончила... Пойду кисточки искать. Где-то были кисточки для покраски... Помню, что были...

Я увидел в маминой суетливости некоторую неуверенность. Не так она себя обычно ведет. И говорит не так.

– Зачем тебе кисточки?

– У нас же ремонт в школе.

– В бане под лестницей на чердаке. Стоят в банке с водой. Металлическая банка из-под зеленого горошка.

– Ах, да, помню, сама же ставила, – сказала мама, но в баню не торопилась.

– Прочитала письмо? – спросил я, догадываясь о причине ее странного состояния.

– Я нечаянно щелкнула, оно открылось...

– И что? Что тебя смутило? Спрашивай.

– Там говорят о том, что в Москве убивают участников чеченской войны. Это тебе грозят или тебя предупреждают?

– Я еще не посмотрел письмо.

– Посмотри, – сказала мама. – Пойду, кисточки приготовлю. А то завтра забуду...

Глава вторая

Писем, как и предупредила мама, было два. Адрес отправителя оказался совершенно не знакомым и, скорее всего, «одноразовым», потому что представлял собой абракадабру. Честно говоря, письма с таким обратным адресом обычно приходят со спамом, и я удаляю их, не читая. Этим письмам повезло, что их приняла мама. Иначе бы мне никогда не узнать, что мне желали сообщить. А сообщить что-то хотели, но я так и не понял что, даже прочитав оба письма. Первое вообще было странным и представляло собой только четыре цифры – «8274». Что они могут значить, я не понимал, но на всякий случай сразу запомнил их. Второе письмо было даже не написано. В сообщении просто скопировали и вклеили текст из Интернета. Но его я тоже прочитал с интересом, хотя ничего удивительного для себя не узнал:

«В Москве продолжается отстрел ветеранов чеченских войн. Кто на этот раз?»

В Москве на площади Трех вокзалов было совершено покушение на бойца отдельной дивизии оперативного назначения «Витязь», принимавшего участие в военных действиях в Чечне. Неизвестные, двигаясь на автомобиле, произвели по нему несколько выстрелов.

Прохожие, ставшие свидетелями расправы, не стали вызывать медиков, а сами доставили сотрудника «Витязя» в больницу. Ветеран военных действий в Чечне выжил, однако состояние его крайне тяжелое.

Следствие по этому делу пока что не говорит, связано ли покушение на сотрудника «Витязя» с его участием в боевых действиях в Чечне. В начале июня в Москве было совершено убийство экс-полковника Юрия Буданова, который также воевал в Чечне. После этого в СМИ появились слухи, что чеченские власти собирают досье на военных, участвовавших в боевых действиях на Северном Кавказе.

(По материалам сайта lenta.ru)»

Мама задала закономерный вопрос. Я был вынужден задать его сам себе, но ответа не находил. Что мне хотели сообщить этим материалом и с какой целью его прислали, я не мог понять. Я не был знаком с Будановым, которому, конечно, сочувствовал и во время судебной расправы над ним, и после, и, скорее всего, не встречался с тем бойцом «Витязя», что упоминался в материале. В противном случае – а я был знаком со многими из «Витязя» и других подразделений спецназа МВД, с которыми мы всегда тесно сотрудничали, – мне обязательно написали бы имя. Его отсутствие и упоминание о возможной мести со стороны бывших боевиков сразу наводило на определенные мысли о намеренном нагнетании обстановки.

Вообще-то пресса у нас любит выдавать желаемое за действительное. После убийства того же Юрия Буданова сам лично читал в Интернете журналистское, традиционно полуграмотное словоблудие. Как обычно, газетчики, услышав звон с колокольни, посчитали себя специалистами по литью колоколов. Узнали, что в полковника Буданова стреляли сдвоенными выстрелами, – и сразу объявили такую стрельбу методом КГБ и спецназа ГРУ.

Это, конечно, глупость. Метод старый и затертый. Обычно его называют «дабл тэп», или «флэш». Разрабатывался он практически одновременно и в американской полиции, и в полиции европейских стран, и стал применяться как противодействие пьяным или наркоманам, которые в силу своего физиологического состояния не сразу реагируют на боль от первого выстрела, поэтому первая пуля часто не обладает нужным останавливающим эффектом. Наиболее эффективным применением сдвоенного выстрела считается дистанция ближе семи мет-

ров, когда первый выстрел производится с контролем мушки, а второй следует за ним без прицеливания. При этом существенно повышается поражающая сила.

Правда, посылать вторую пулю без прицеливания стрелок может только после того, как основательно «набьет руку» в методике «дабл тэп». Новичкам лучше прицеливаться на оба выстрела. А с короткой дистанции допускается и стрельба из пистолета, повернутого боковой плоскостью параллельно земле. При выстреле ствол пороховыми газами «мотнет» не в сторону от цели, а только сместит по высоте вверх или вниз, в зависимости от того, из какого пистолета стреляют и в какую сторону выбрасываются гильзы. Но все это – совсем не методика КГБ, ФСБ или спецназа ГРУ, как утверждают журналисты. Это мировая практика стрельбы из пистолета. Она тем и отличается от спортивной, что преследует конкретные цели. Американцы зовут сдвоенный выстрел «Наттегз», что грубо можно перевести как «долбежка». Сдвоенный выстрел нужен для повышения останавливающего эффекта, то есть сбивания противника, когда после первого выстрела он только пошатнулся или когда противник, в которого стреляешь, представляет собой повышенную опасность для стрелка. И уж пусть журналисты поверят мне на слово, Буданов не был в момент убийства пьяным и не находился под воздействием наркотиков; следовательно, с этой стороны рассматривать применение методики сдвоенного выстрела нельзя.

А что касается опасности, которую мог представлять для специалиста из спецназа ГРУ или даже ФСБ бывший полковник Буданов, то здесь можно сказать только одно – журналисты путают собственный уровень боевой подготовки с уровнем боевой подготовки спецназовцев. Для работников «пера и топора» и малоопытных убийц экс-полковник, наверное, действительно представлял реальную опасность. Но бывший танкист не может конкурировать со спецназовцами. И потому все домыслы журналистов можно отнести или к желанию высосать из пальца очередную сенсацию, или к стремлению просто заработать, если кто-то заплатил за обнародование такой достаточно примитивной версии. У нас в стране, однако, слишком простенькие версии любят, и часто тиражируют до такой степени, что заставляют людей в них поверить. А если действительная версия будет отличаться от разрекламированной, то следствие обвинят в подтасовке фактов. Обвинять у нас тоже любят. Сначала создают то, что называется общественным мнением, а потом этим мнением крутят, как хотят, шельмуя несогласных...

* * *

Я почему-то ждал неких событий, может быть, даже ближайшей ночью, и поэтому установил некоторые средства предосторожности во дворе в самых темных местах. Средства простые, типа натянутой проволоки, которая заставит постороннего человека упасть физиономией в куст ежевики. «Ежевикой» она называется не случайно – и в самом деле ходит в близких родственниках у ежа и имеет вдвое больше колючек по сравнению с обычной ежевикой. Не думаю, что физиономия того, кто ткнется в нее в темноте, будет смотреться весело. Лицо в таких случаях выглядит так, как будто его исцарапали все окрестные кошки. Нечто подобное я поставил и в темной прихожей. Только здесь куста ежевики, к сожалению, не было, а была только вешалка, которая всегда могла с грохотом упасть, если ее неосторожно задеть.

Ночью я несколько раз просыпался и прислушивался. Нет, все было спокойно, но ожидание, что у дорожного эксцесса будет продолжение, не ушло, и поэтому я ждал. Однако ничего не произошло. Утром я встал раньше мамы и средства предосторожности снял. Ложиться досыпать я не стал и отправился на утреннюю пробежку. Когда вернулся, мама уже ушла в школу; на кухне стоял кувшин с молоком – соседка каждое утро приносила его для меня – и лежал большой запечатанный пакет на мое имя. Его, видимо, сворачивали, чтобы он поместился в почтовый ящик. Но штампа почтового отделения я не увидел. И вообще в деревне почту раз-

носили после двенадцати; следовательно, пакет доставили с нарочным. И, вероятно, намеренно в мое отсутствие, чтобы я не мог спросить что-то у посыльного.

Я вскрыл пакет. Там лежало несколько старых газет, но газеты эти использовались явно только ради упаковки, а внутри оказалась пластиковая банковская карточка. У меня есть своя, на которую мне перечисляют жалованье. А зачем мне нужна была вторая, непонятно, тем более что карточка была выписана на совершенно незнакомого мне человека, и я даже не знал пин-кода.

«Пин-код»? Я вовремя вспомнил, что мне накануне прислали какие-то четыре цифры. Должно быть, это и есть пин-код. Ну, и что с того? Со мной, как я понял, расплачиваются. Что это за жест? Разве я что-то заслужил, кроме того, что мне причиталось? Или мне намерены выписать какой-то аванс? За какие, интересно, подвиги?

Ладно, с этим еще предстоит разбираться, а деньги с карточки тратить нельзя ни в коем случае, иначе сразу окажешься в чьих-то лапах, и сможешь выкрутиться или не сможешь – еще неизвестно. Люди, которые имеют деньги, как правило, умеют их считать и тратить. Кто не умеет, у того большие суммы надолго не задерживаются.

Ожидая еще каких-то вестей, я включил компьютер и, пока он загружался, выпил свою обычную утреннюю кружку молока. Оно было еще слегка теплым, с утренней дойки, и пахло так, как никогда не будет пахнуть молоко, продаваемое в магазине, даже умышленно ароматизированное запахами полевых трав. Человеку не дано стилизовать и воссоздать дары природы или дары бога. При самых больших достижениях науки все равно подделка будет хуже оригинала по той простой причине, что это подделка. Именно поэтому я предпочитаю покупать молоко не в магазине, а у тех редких жителей в деревне, кто еще держит корову.

Положив чужую банковскую пластиковую карточку в бумажник рядом со своей, я открыл электронную почту. Мне пришло два письма все с такими же труднозапоминающимися обратными адресами. Первое письмо подтвердило то, что я и предположил, – то есть что мне прислали пин-код для пластиковой карты. Но зачем мне чужая карта, никто объяснить не потрудился. Во втором письме содержался список офицеров, причем из разных ведомств. Некоторых из них я знал. Это были либо офицеры ФСБ, либо офицеры спецназа ГРУ, либо офицеры спецназа внутренних войск. Единственное, что всех их могло собрать в одном списке, – это причастность к событиям на Северном Кавказе. И не просто причастность. Все из этого списка там серьезно отличились. Это я смог понять, узнав всего лишь несколько знакомых фамилий.

Я, между прочим, из двадцати восьми офицеров в списке значился под двадцать вторым номером. Две фамилии были подчеркнуты, но ни та, ни другая мне ничего не говорили. Я этих людей не знал, хотя одна из фамилий отдаленно показалась знакомой. Но ни с какими обстоятельствами в памяти не связывалась. Может, просто когда-то мельком встречались... Тем не менее список, несомненно, представлял интерес, и я решил заняться именно им. Не для пополнения макулатуры же мне его прислали. Если прислали, значит, смысл в этом списке есть, и серьезный, поскольку и сам я не шутник.

В госпиталь мне предстояло ехать только на следующий день, и никто не мог заставить меня колоть дрова, когда мне хотелось посидеть за компьютером. И я засел...

* * *

Помнится, лет шесть назад, будучи тогда еще семейным, я вместе с женой ездил в Питер, где она готовилась защищать кандидатскую диссертацию. Ее научный руководитель, профессор-историк, все небрежно отмахивался и жаловался, что про Интернет больше говорят, чем с толком им пользуются. Он, как выяснилось по ходу встречи, потратил уйму времени, но никак не смог найти материалы по нужной ему рукописи, которая хранится в библиотеке Ватикана. Я, став случайным свидетелем монолога профессора, кое-что спросил, уточняя тему, сел за

компьютер и уже через несколько минут предложил полюбоваться результатом. Библиотека Ватикана предоставила фотокопию рукописи на древнеармянском языке и переводы этой же рукописи на немецкий, английский и итальянский. Все для удобства пользователя. И нет никакой необходимости ехать в Ватикан, тем более что там, насколько я знаю, очень сложно получить пропуск в библиотеку.

С тех пор пользоваться поисковыми системами я не разучился, и при необходимости делал это регулярно. Вот и сейчас с помощью строки «поиска» я принялся собирать материалы на людей из списка. Не знаю почему, но начал не по порядку в списке, а с подчеркнутых фамилий. И обнаружил, что первый погиб в автомобильной катастрофе, когда его «Вольво» лоб в лоб столкнулся на ночной дороге с большегрузным автопоездом – при этом на встречную полосу выехал как раз грузовик, а водитель после аварии, очевидно, не сильно пострадав, бежал в неизвестном направлении. На всякий случай я сохранил данные на водителя грузовика и поинтересовался вторым офицером, чья фамилия в списке была подчеркнута. И понял, что это, должно быть, тот самый человек из «Витязя», о котором шла речь в письме, полученном вчера вечером.

Поискав другие упоминания об этом офицере, я наткнулся на повторение информации в присланном мне сообщении. То есть письмо мне никто не писал, просто скопировал информацию с сайта и переслал мне. Но там фамилия не упоминалась – видимо, была выброшена по каким-то причинам при редактировании. Но не была выброшена фамилия Юрия Буданова, хотя в моем списке он отсутствовал. Я стал смотреть дальше, загоняя данные в строку «поиска». И дважды наткнулся на попытки покушения на офицеров. Больше пока ничего найти не сумел. Даже на себя нашел немного, и все старое...

* * *

На языке разведки это называется «негласно вести» или «скрытно разрабатывать»... Именно так меня «вели», «подводили» к какой-то теме, а я даже предположить не мог, кто этим занимается. Если бы этим занималось ГРУ, там не стали бы разводить такие церемонии. Я – их сотрудник, следовательно, обязан выполнять приказы командования, и мне бы просто приказали сделать что-то, что я вынужден был бы сделать, даже если это мне совсем не с руки. Здесь совсем другое. Здесь не приказывают, а вертят мной, как кукловоды, дергают за ниточки, но сами не показываются. Сначала организовали заваруху на дороге, чтобы обеспечить мою лояльность и сговорчивость. Именно так я понимаю цель этого происшествия. Меня открыто не шантажируют, но дают понять, что имеют такую возможность, и потому словно бы предупреждают, что они тоже не хотят обострения отношений, но чтобы и я не был склонен к резким движениям.

С этим все ясно. Не ясно с другим. Мне прислали список. И что я должен думать? Как защитить этих людей или как убить их? Или при необходимости попробуют убить меня? Впрочем, исходя из того, что я сам состою в списке, резоннее будет считать, что этих людей мне предстоит защищать. Но, как я догадываюсь, если этих людей кто-то намеревается уничтожить, а это, как говорят СМИ, чеченские силовые структуры, то действовать они будут совсем не правовыми методами. Следовательно, и защищать их я должен буду точно такими же приемами, выходящими за грань закона.

Тихая война? И мне предлагается стать в этой войне одной из воюющих сторон? Поскольку и я в числе тех, кого будут уничтожать, я бы не отказался от такой работы, тем более что мое официальное командование не стремится защитить капитана Смертина от разного рода профессорско-коновалов и готово смириться с моей пенсией.

Что же, военный пенсионер, инвалид – прикрытие великолепное. Наверное, люди, которые пытаются меня вести, в курсе всех событий моей жизни. По крайней мере, последних.

Но имею ли я право вот так вот ввязываться в какую-то авантюру, не поставив в известность свое командование? Вообще-то я уверен, что наш командир бригады и даже наш начальник штаба, хотя он человек осторожный, и уж тем более наш комбат – все поддержат мое решение, если я отважусь выступить в новой роли. Но при этом сам я должен осознавать, что из кадрового офицера спецназа военной разведки превращаюсь в обыкновенного киллера. Ну, может быть, не совсем обыкновенного, а высокопрофессионального, тем не менее все же убийцу. И даже в наемного, о чем меня неназойливо предупредили предоставлением пластиковой банковской карты. Обошлись без торговли, уверенные, что у меня нет выхода... Но выход бывает практически всегда. Только стоит как следует пошевелить мозговыми извилинами. Пластины из высоколегированной стали в моем черепе, думается, не настолько тяжелые, чтобы мешать мне думать. Тем не менее я еще не решил, стоит ли мне отказываться и искать выход из ситуации. Мешало принять окончательное решение то, что в списке присутствовала моя фамилия. А список этот, как мне предполагалось, был списком лиц, по какой-то причине приговоренных мстительными исламистами к смерти.

Конечно, перед самим собой можно быть откровенным. Мы привыкли называть исламистами тех, кто где-то там воюет, может быть, в Йемене против своего президента, может быть, в Афганистане против натовской коалиции, может быть, в лесах и горах Северного Кавказа. Но чаще всего – тех, кто откровенно и резко выступает за свои убеждения. Однако нам, офицерам спецназа, часто бывающим на Северном Кавказе в боевых командировках, хорошо известно, что есть и другие исламисты, которых так не называют, которые прячутся за своими должностями. Причем это весьма высокопоставленные, занимающие прочные позиции в своих регионах люди. Они просто заключили союз с некоторыми властью имущими: вы открыто не трогаете нас, мы открыто не воюем с вами. Вы делаете свое дело, мы делаем свое дело.

А в действительности война продолжается, только уже на ином уровне. И я, хорошо зная обстановку на Северном Кавказе, вполне могу предположить, что этот список, что мне прислали, составлен где-нибудь в недрах МВД одной из кавказских республик и является реальным перечнем людей, которым грозит опасность. Причем я поверил в правдоподобность этого списка еще до того, как его увидел в собственном компьютере, ибо слишком хорошо знал об истинном отношении к нашему брату со стороны кое-кого из местных руководителей.

Итак, я могу предположить, что список реален, а Буданова к нему пристегнули журналисты. С бывшим полковником-танкистом расправились, конечно же, мстительные родичи, поскольку он не представлял для бандитов и вообще для исламистов такой серьезной опасности, какую представляют многие офицеры спецназа вместе со своими подразделениями. Это мне повезло – у меня есть такой подчиненный, как Сережа Украинцев, который может полностью заменить меня в роте и она при этом не потеряет своей боеспособности. В других подразделениях часто бывает хуже. Там все держится порой на личности одного. Именно поэтому список состоит почти исключительно из одних командиров подразделений. Хотя можно предположить, что и у других, как у меня, есть хорошая поддержка в лице замов, только эта поддержка пока еще себя проявить не успела. Но вот старший лейтенант Украинцев, насколько мне известно, пока я отлеживался в госпитале, уже отличился и провел два успешных рейда по горам, за что его представили к награде. Это мне комбат рассказал, когда звонил в последний раз. Сам Украинцев не хвастался. Он, когда выходит на связь, спрашивает только о моем здоровье...

* * *

Но как же мои невидимые противники сумели собрать на меня сведения, а я сам ничего заметить не смог? Не мальчик, только что призванный на срочную службу в военную разведку, что-то заметить все равно должен был. Впрочем, симптомы все же проявлялись. Однажды

вечером я руками и коленями «стучал» по боксерскому мешку, подвешенному к балке за сараем, и заметил слабый отблеск, пробежавший по стене в течение доли секунды. Это было похоже на вспышку от фотоаппарата. Я посмотрел за огород. Поблизости никого не было. Возможно, кто-то кого-то фотографировал в небольшом лесочке в стороне, и отблеск вспышки добрался до нашего сарая. Возможно, даже меня фотографировали с мощным телеобъективом. Но тогда у меня не было причины фиксировать эту деталь. Я оставил эпизод без внимания, и, скорее всего, поступил неосторожно. Следовало бы, возможно, не подав вида, уйти во двор, оттуда скрытно сделать круг через соседний заброшенный двор и проверить, откуда взялся фотограф и что он снимает. Если меня, резонным было бы спросить, кто послал его, – еще до того, как я разобью камеру о его голову...

Тот момент я, к счастью для фотографа, прозевал. Но это был единичный эпизод, который мало что мог дать тем, кто составлял на меня досье. Фотография человека, со зверской жестокостью избивающего боксерский мешок, ровным счетом ничего не говорила тому, кто на эту фотографию смотрел впервые, и даже не сообщала анкетные данные фотогероя, не говоря уже об электронном адресе. Значит, данные на меня собирали тщательно и методично. Но извне, как я полагаю, сделать это практически сложно, если возможно вообще. Вероятнее всего, в деле замешан кто-то из офицеров спецназа ГРУ или офицеров диверсионного управления ГРУ, к которому спецназ и относится. Возможно даже, это кто-то из офицеров нашей бригады, нашего батальона; хотя, чтобы добыть данные достаточно полные, необходимо иметь широкий доступ к закрытым источникам, то есть входить в командный состав бригады. И необязательно дело тут связано с предательством. Все вообще может выглядеть иначе, если дело обстоит именно так, как я предполагаю, если список составлен там, где я предполагаю, а людей из списка будут поочередно убивать. В том числе и меня.

Официально противостоять этому со стороны неких сил сложно. Ибо в данном случае будут задеты интересы властных структур на Северном Кавказе. Эта кавказская власть постоянно переходит черту приличий и уже давно нарывается хотя бы на кулак. Даже за границей эту власть в субъектах Федерации откровенно считают бандитской и мафиозной. А здесь, в центре, ее поддерживают, потому что это создает видимость благополучной ситуации на Северном Кавказе. Хотя бы в определенных республиках. Наводить порядок в стране высшая государственная власть не стремится, да и по большому счету не может. Нет ни сил, ни политической воли. Поучились хотя бы у того же полковника Квачкова, которого не сумели посадить за выдуманное покушение на одного из олигархов, – так теперь ищут, что бы ему еще припаять. А ведь, когда развалился Советский Союз, Квачков командовал бригадой спецназа ГРУ в Чирчике. И ситуация тогда складывалась так, что Таджикистан был готов перейти под власть афганских талибов. Никто не знал, что следует делать. Ввязываться в войну ни у кого не было ни сил, ни желания. Полковник Квачков потребовал себе карт-бланш. Он даже не докладывал, что будет делать. Но возможность ему дали, потому что другой не было. Командир бригады разделил всю свою крупную по численности часть на тройки и разослал их по разным концам Таджикистана. Через две-три недели в республике стало спокойно. Куда-то исчезли люди, которые якобы пользовались авторитетом и готовы были увести Таджикистан на соединение с Афганистаном, где живет много таджиков. Страна осталась самостоятельной и независимой. О талибах там даже говорить перестали.

На мой простой капитанский взгляд, Квачкову следует предоставить самые широкие полномочия, дать ему для начала под командование бригаду и не требовать ответа за свои действия. Просто попросить навести на Северном Кавказе порядок. Он наведет. Настоящий. Без террористов и обнаглевших от воровства правителей, которые сами порой поддерживают террористов...

Я углубился в мечты о счастливом будущем – что поделать, каждый честный гражданин желает своей стране хороших руководителей. Пока же нормальных людей до власти

старательно не допускают. И создают в стране ситуацию, когда кавказский криминалитет, официально называющийся властью субъектов Российской Федерации, может позволить себе преследовать силовиков, которые ту же власть обязаны защищать. Ситуация более чем странная. Но шума, как убежден не только я один, никто поднимать не будет, если уничтожат пару или тройку десятков лучших представителей силовых структур. И тем, кого уничтожают, и тем, кто с ними стоит рядом, останется только самим себя защищать. Убивать их – нас то есть – собираются, естественно, криминальными методами. А им можно противопоставить точно такие же неправовые действия. Причем действуя на опережение.

И получится странная картина. С одной стороны, действовать будут, несомненно, силовые структуры отдельных кавказских республик, хотя конкретные исполнители предпочтут работать в «автономке». В ответных действиях предполагается то же самое. Я понимаю, почему кто-то, кто занимается всем этим, выбрал меня. Меня очень легко отправить сейчас на инвалидность – и, похоже, отправят, как я думаю, по просьбе кого-то из организаторов всей этой ширококомасштабной акции. Что, собственно, значило бы, что у системы есть сильные рычаги влияния. Отсюда и подробная информация обо мне. Отсюда, как я предполагаю, даже подробные характеристики командования о моей персоне. Все неофициальные шаги сделаны, общепринятые официальные процедуры тоже, вплоть до допусков, которые являются, возможно, и устными, но копируют допуски рабочие.

И что мне остается? Только ждать, когда кто-то пожелает выйти со мной на прямую связь. Тогда наступит ясность и все встанет на свои места. Предположительно, до того, как со мной встретится некто, мне зададут несколько вопросов по электронной почте или телефонным звонком. Это окажется интересным вариантом. Если я получу адрес для обратного послания, значит, система, в которую меня вовлекают, имеет прикрытие в сетевом пространстве. Если разговор будет вестись по «мобильнику», это подтвердит, что в Сети провал, там работа идет без прикрытия, а вот телефоны прикрываются спутником, который осуществляет контроль прослушивания. Второй вариант серьезнее, как я понимаю. Но лучше было бы иметь в запасе и тот, и другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.